

ФИОЛЕТТА

РАЗВОД В 55: ПИТАЙСЯ ДОШИРАКАМИ, МУЖЕНЕК!

ФИОЛЕТТА

РАЗВОД В 55:
*Питайся Дошираками,
Муженек!*

Фиолетта -

Развод в 55: Питайся Дошираками, Муженек!

<https://litres.ru/74535519>

Аннотация

— Галя, я ухажу! — Борис брезгливо отодвинул тарелку с моей фирменной уткой. — Ты меня просто закармливала все эти годы, чтобы я стал жирным и никому не нужным. Жанна открыла мне глаза: твои котлеты — это холестериновая бомба, а борщ — медленный яд! Я хочу легкости, хочу летать!

Тридцать лет я вырезала ему лучшие кусочки. Тридцать лет следила, чтобы его гастрит не напоминал о себе. А теперь я — «отравительница», а его новая пассия — фея сельдерея и королева смузи?

Ну что ж, Боренька, лети. Но помни: мы всё еще работаем на одном заводе. Только теперь я хозяйка на кухне, а ты — просто голодный мужчина в общей очереди. В моей столовой тебе больше не подадут спецпаек, а дома тебя ждет пустой холодильник и пророщенная пшеница.

Посмотрим, на сколько тебя хватит, прежде чем ты начнешь прятать «Доширак» в сейфе и рыдать над запахом моих пирожков. А я? Я наконец-то попробую жизнь на вкус. И, кажется, в этом

мению есть место для настоящего мужчины, который оценит и мой талант, и меня саму.

Приятного аппетита, бывший! Смотри не подавись слюной.

В тексте вас ждут: ✓ Сильная и мудрая героиня, которая не опускает руки ✓ Неблагодарный бывший муж (будет наказан голодом и язвой!) ✓ Молодая разлучница-зожница (очень бесячая) ✓ Настоящий мужчина, ценящий уют и вкусную еду ✓ Вкусные описания блюд и очень «аппетитное» возмездие ✓ Хэппи-энд для тех, кто заслужил!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2 (Борис)	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5 (Борис)	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	64
Глава 9 (Борис)	74
Глава 10	86
Глава 11	98
Глава 12 (Борис)	112
Глава 13	125
Глава 14	142
Глава 15 (Борис)	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Глава 1

Янтарный жир медленно стекал по пухлому боку утки, собираясь в тяжелые, лоснящиеся капли на дне противня. В духовке шло таинство: кожа птицы, натертая крупной морской солью, медом и терпким сушеным майораном, натягивалась, превращаясь в тончайший, хрустящий пергамент. Я знала этот звук — едва слышное потрескивание, означающее, что мясо внутри уже стало нежным, как сливочное масло, но еще сохранило свой пряный сок.

На моей кухне не бывает осечек. Тридцать лет я управляю производством в заводской столовой «ТяжМаша», и если там я держу в узде тридцать поваров и пятьсот литров борща в смену, то дома, в своей крепости, я — абсолютный монарх.

Я взглянула на настенные часы в виде старой медной сковороды. Семь вечера. Боря будет через пятнадцать минут.

Тридцать лет. Жемчужная свадьба. Цифра казалась мне огромной, как старый дуб, который пережил все бури, только глубже врос в землю. Я поправила вырез нового платья цвета густой вишни. Ткань приятно холодила кожу. В пятьдесят пять лет женщина моего типа — «кровь с молоком», как говаривала мама — должна носить либо благородный шелк, либо профессиональный китель. Сегодня я выбрала шелк.

Я выставила на стол хрусталь. Настоящий, тяжелый, с той

самой «алмазной» гранью, который мы покупали еще в ГДР по талонам. Он звенел в моих руках, как маленькие колокола, возвещающие о победе жизни над бытом. В центре стола уже остывали в соуснике сливы, томленные в красном вине с корицей. Идеальный аккомпанемент к утке.

— Ну, Боренька, — прошептала я, поправляя выбившийся каштановый локон. — Сегодня ты у меня ахнешь.

В замке повернулся ключ. Я замерла, прижимая ладони к бедрам. Сердце, которое обычно работало четко, как конвейерная лента, вдруг предательски споткнулось. Я ждала цветов. Нет, я знала, что он их купит — огромные, тяжелые белые розы, которые он всегда дарил мне на важные даты. А еще я ждала его взгляда — того самого, голодного и восхищенного, когда он, еще не сняв пальто, втягивает носом воздух и говорит: «Галочка, ты меня в могилу сведешь этими запахами».

Дверь открылась. Борис вошел.

Я вышла в прихожую, сияя, как свежeweымытый самовар. Но улыбка застыла, не успев коснуться глаз.

Борис не разулся. Он стоял на ковре в своих начищенных туфлях из оленьей кожи — тех самых, итальянских, что я выписала ему через знакомых в прошлом месяце. В руках у него не было роз. В руках у него был тонкий кожаный портфель и... пустота.

— Боря? — я шагнула навстречу. — Ты чего в обуви? Наследишь же, я только сегодня...

Он поднял руку. Жест был резким, каким он обычно оставлял своих подчиненных в отделе логистики. В тусклом свете прихожей его лицо показалось мне чужим. Изменившимся. Он похудел? Нет, скорее, осунулся, но взгляд горел каким-то лихорадочным, сектантским огнем.

— Не надо, Галя, — глухо сказал он. — Не начинай про ковры. Больше не будет никаких ковров. И утки твоей не будет.

Я нахмурилась. Запах птицы уже просочился в коридор, он обволакивал нас, соблазнительный и домашний, но Борис даже не повел носом. Напротив, он поджал губы так, словно в воздухе пахло хлоркой.

— Какая утка, Боря? Сегодня же тридцать лет. Тридцать! — я попыталась коснуться его плеча, но он отстранился. — Я и вино достала то самое, грузинское. Иди, мой руки, я сейчас подавать буду.

— Я сказал — не надо! — вдруг сорвался он на крик, и голос его сорвался на высокой ноте. — Хватит меня кормить! Ты хоть понимаешь, что ты со мной сделала? Ты посмотри на меня!

Он ткнул пальцем в зеркало в полный рост. Я посмотрела. Борис Петрович, пятьдесят шесть лет, статный мужчина с легкой проседью на висках. Да, у него был небольшой живот — признак благополучия и хорошего домашнего стола. Но он выглядел здоровым, крепким. Хозяином жизни.

— Ты меня закармливала, Галя. Как свинью на убой. Что-

бы я стал тяжелым, чтобы я никуда не мог от тебя деться. Чтобы я заплыл жиром и перестал видеть мир дальше твоей тарелки! Твоя еда — это не любовь. Это цепи, Галя. Холестериновые цепи!

Я слушала его, и мне казалось, что стены нашей кухни, которые я столько лет любовно отмывала до блеска, начали медленно сжиматься.

— Боря, что ты такое говоришь? Ты же всегда просил добавки. Ты же говорил, что мои котлеты — это лучшее, что случалось с тобой в жизни...

— Я был слеп! — он патетично взмахнул руками. — Жанна открыла мне глаза.

Имя ударило под дых. Жанна. Та самая новая кадровичка, про которую на заводе шептались уже месяц? Худая, как вобла, с лицом, на котором вечно застыла гримаса мировой скорби по несчастным коровам?

— Жанна? — мой голос стал тихим и опасным. Таким я обычно разговариваю с поставщиками, которые пытаются подсунуть мне второсортную говядину по цене вырезки. — Та, что пьет зеленую жижу из стаканов и пахнет сырým сельдереем?

— Она пахнет легкостью, Галя! — Борис прошел в гостиную, так и не разувшись. — Она пахнет энергией и чистым сознанием. Она научила меня чувствовать свое тело. Она сказала, что ты пытаешься меня убить. Твоя утка — это яд. Твой борщ — это медленная смерть в кастрюле. Я ухожу,

Галя.

Он подошел к праздничному столу. Мой хрусталь, мой вишневый шелк, мои тридцать лет жизни — всё это стояло перед ним, беззащитное и прекрасное. Борис брезгливо прищурился, глядя на блюдо с уткой, которое я успела выставить на подставку за минуту до его прихода.

Он протянул руку и... отодвинул тарелку. Просто толкнул её в сторону, как нечто грязное. Край противня заскрежетал по скатерти, сбивая сервировку.

— Я заберу вещи завтра. Сегодня переночую у неё. У Жанны в квартире стерильно. Там нет этого удушливого запаха жареного мяса. Там... там можно дышать.

Я стояла в дверном проеме, чувствуя, как внутри меня что-то огромное, теплое и привычное, что я называла своей семьей, рассыпается в серый пепел. Мелкие детали лезли в глаза: вот пятно от его грязного ботинка на бежевом ворсе ковра. Вот крошка хлеба, которую я не заметила. Вот мой муж, который еще вчера целовал мне руки за пирог с вишней, а сегодня смотрит на меня как на личного палача.

— Ты уходишь к ней, потому что я вкусно готовлю? — я сама не узнала свой голос. Он был сухим, как старая шелуха лука.

— Я ухожу, потому что хочу летать, Галя! А с тобой я только пускаю корни в диван. Ты сделала из меня борова. Жанна говорит, что я должен очистить лимфу. И я очищусь. От тебя, от твоего жира, от твоей «заботы».

Он развернулся и пошел к выходу. Быстро, словно боялся, что аромат утки догонит его, свяжет по рукам и ногам и заставит остаться.

— Борис! — окликнула я его, когда он уже взялся за дверную ручку.

он обернулся, в глазах — холодное превосходство неофита, познавшего истину.

— Чемодан не забудь завтра. Я выставлю его в подъезд. Вещи я перестирала, нагладила. Чтобы ты в своем новом «чистом сознании» не ходил в мятом.

Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным стуком.

Тишина. На Литнете часто пишут, что тишина «давит». Нет. Тишина на моей кухне была другой. Она была густой, как застывший студень.

Я медленно прошла к столу. Села на свое место. Взглянула на утку. Она всё еще была прекрасна. Она не была виновата в том, что мой муж решил сменить тридцать лет надежности на сомнительный вкус шпинатного смузи.

— Значит, яд? — спросила я пустоту. — Значит, холестериновая бомба?

Я протянула руку, взяла разделочную вилку и нож. Мои движения были точными. Я отделила ножку — ту самую, самую сочную, где мясо буквально отваливалось от кости. Положила её на свою тарелку из тонкого фарфора. Налила в бокал вина.

Первый кусок обжег небо. Пряный, насыщенный вкус,

сладость меда, кислинка сливы... Это было божественно. Это было плоть от плоти моей жизни.

Я жевала, и соленая капля — не жира, а слезы — всё-таки сорвалась и упала на вишневый шелк. Я быстро смахнула её. Плакать над едой — грех.

— Летай, Боря, — проговорила я, глядя на пустой стул напротив. — Летай, пока крылья не отсохнут. А когда твой желудок начнет переваривать сам себя от твоей «чистой лимфы», не смей приходить ко мне. Моя кухня теперь закрыта на переучет.

Я отрезала еще кусок. Вкус был горьким, несмотря на мед. Но я доем эту утку. Всю. До последнего кусочка. Потому что я — Галина Ивановна, и я лучше всех на этом заводе знаю: голод — лучший учитель. А Борис Петрович всегда был очень, очень плохим учеником.

За окном медленно засыпал Нефтегорск, расцветиваясь огнями заводских труб. Где-то там Борис сейчас пил свою теплую воду с лимоном и чувствовал себя героем. А здесь, в уютной квартире, пахнувшей домом, рождалась новая я. Женщина, которая больше не будет вырезать лучшие куски для того, кто их не ценит.

Я встала, подошла к зеркалу, в которое только что тыкал пальцем Борис. Поправила прическу.

— В пятьдесят пять жизнь только начинается, — сказала я своему отражению. — Особенно, если у тебя в руках по-

ловник, а в голове — план мести, поданный в самом горячем виде.

Завтра будет понедельник. Завтра я приду в столовую. И завтра Борис Петрович узнает, что такое настоящий, профессиональный дефицит калорий.

Я вернулась к столу, взяла бокал и салютовала пустому месту.

— За жемчужную свадьбу, бывший муж. Пусть тебе приснится чебурек. Такой сочный, что ты проснешься в холодном поту от собственного желания.

Я доела ножку, аккуратно сложила приборы и принялась убирать со стола. Хрусталь больше не звенел колоколами. Он звенькал холодно и решительно, как скальпели хирурга перед началом операции. Развод — это тоже своего рода очищение. Только гораздо более эффективное, чем любой сельдерей в мире.

Глава 2 (Борис)

от лица Бориса

Руль «Тойоты» казался непривычно легким, почти невесомым, словно машина тоже почувствовала, что я сбросил с себя сорок тонн балласта. Я ехал по вечернему Нефтегорску, и город, обычно серый и пропахший мазутом, сегодня подмигивал мне неоновыми вывесками аптек и заправок, как старый приятель, который одобряет мой побег.

В салоне всё еще стоял этот призрак... Запах. Он впитался в мою одежду, в поры кожи, кажется, даже в самую обшивку сидений. Утка. Мед. Майоран. Жир. Я опустил стекла, и в лицо ударил резкий, колющий осенний ветер. Хорошо. Пусть выдувает. Пусть вычищает из меня этот душный, кухонный уют, в котором я задыхался последние тридцать лет.

Галя... Она так и осталась стоять там, в своем вишневом платье, похожая на огромный, перезрелый гранат. Красивая? Наверное. Для тех, кто любит монументальность. Для тех, кто ценит в женщине надежность фундамента. Но я больше не хотел жить в фундаменте. Я хотел парить.

Я посмотрел на свои руки на руле. Кожа на костяшках казалась мне слишком натянутой. Жанна говорит, что это из-за скрытых отеков. «Борис, ты не толстый, ты просто наполнен лишней водой и чужой энергией», — шептала она, пе-

ребирая мои пальцы своими тонкими, почти прозрачными ладонями. И я верил ей. Как не верить женщине, которая в свои двадцать девять выглядит как фарфоровая статуэтка, внутри которой горит ровный, чистый свет?

Впервые я увидел её в отделе кадров три месяца назад. Она сидела за монитором, и на её столе не было ни крошек от печенья, ни липких кругов от чая. Только стакан воды с веточкой мяты и безупречно белый блокнот. Она подняла на меня глаза — огромные, прозрачно-серые, как балтийское небо — и я вдруг понял, что весь мой мир, состоящий из графиков отгрузки, заводских котлет и домашних ужинов «из трех блюд», — это просто груда старого хлама.

Я припарковался у нового жилого комплекса «Лазурный». Здесь всё было иначе: зеркальные лифты, бесшумные двери, консержи, которые пахнут не дешевым табаком, а дорогим мылом.

Жанна открыла дверь еще до того, как я нажал на звонок. Она словно чувствовала мои вибрации. На ней был облегающий костюм для йоги цвета «пыльной розы». Никаких фартуков. Никаких домашних тапочек с помпонами.

— Ты сделал это, — выдохнула она, делая шаг назад и пропуская меня в свой мир.

В её квартире пахло озоном и чем-то неуловимым — так пахнет в горах после грозы. Никакой за жарки. Никакого вываренного в тринадцати водах бульона. Минимализм. Белые стены, пустые поверхности, много стекла.

— Я свободен, Жанночка, — я бросил портфель на пол, чувствуя, как с плеч сваливается невидимая бетонная плита. — Совсем.

— Не говори «свободен», говори «очищен», — она мягко улыбнулась, подходя ближе. Её руки легли мне на грудь. — Я чувствую твой стресс, Борис. Он пахнет... тяжелой органикой. Твое поле буквально стонет под грузом того, чем она тебя пичкала.

Я закрыл глаза. Перед внутренним взором некстати всплыла Галя с подносом. Её торжествующий взгляд, когда она ставила на стол эту птицу. Она ведь искренне считала, что покупает мою лояльность едой. Кормила меня, как племенного быка, чтобы я не мог даже голову поднять от кормушки. Жанна права: это была тирания. Кухонный фашизм, завернутый в кружевные салфетки.

— Садись, — Жанна указала на лаконичный стул из прозрачного пластика. — Тебе нужно заземлиться, но не через жир, а через свет.

Она принесла из кухни — если это стерильное пространство со встроенными панелями можно было назвать кухней — две хрустальные чаши. В них плескалась абсолютно прозрачная жидкость, на дне которой тускло мерцали розовые камни.

— Это структурированная вода на розовом кварце, — пояснила она, присаживаясь напротив и сплетая свои длинные ноги в какой-то немислимый узел. — Она выравнивает кле-

точный ритм. Пей медленно, Борис. Представляй, как каждая молекула вымывает из твоих сосудов налет прошлого.

Я сделал глоток. Вода была прохладной и... просто водой. Безвкусной. Мой желудок, привыкший к тому, что в это время в него падает как минимум пятьсот граммов плотной пищи, недоуменно сократился. Где-то в районе солнечного сплетения возникло странное, полое чувство.

«Это не голод, — тут же отозвался в голове голос Жанны, который я уже выучил наизусть за эти недели тайных встреч. — Это пробуждение твоих истинных клеток. Они кричат, потому что привыкли к допингу. Не поддавайся».

Я пил воду и смотрел на Жанну. Она была совершенна. Ни одной лишней складки, ни одного лишнего жеста. Рядом с ней я чувствовал себя громоздким, неповоротливым механизмом, который нуждается в капитальной чистке.

— Знаешь, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал от странной слабости в коленях. — Галя сегодня приготовила утку. Праздник ведь... тридцать лет. Она смотрела на меня так, будто я совершаю святотатство, отказываясь от этого куса запеченной плоти.

Жанна сокрушенно покачала головой, её шелковистые волосы рассыпались по плечам.

— Бедная женщина. Она живет на низких частотах. Она искренне верит, что путь к сердцу мужчины лежит через его пищеварительный тракт. Она не понимает, что сердце — это

орган света, а не мешок для переработки холестерина. Она пыталась тебя заземлить, Борис. Убить в тебе творца.

— Да, — подхватил я, чувствуя, как внутри закипает праведное возмущение. — Она всегда так делала. «Боренька, съешь еще кусочек», «Боренька, я твой любимый соус сделала». А Боренька потом не мог дышать! Я ведь на совещаниях засыпал, Жанна. Я думал, это возраст. А это была она!

Я встал и подошел к большому окну. С высоты восемнадцатого этажа Нефтегорск казался игрушечным. Я видел вдалеке огни завода. Где-то там, в одной из пятиэтажек, Галя сейчас, наверное, убирает со стола, поджигая губы. Мне стало её почти жаль. Как жаль старую, заезженную пластинку, которую больше не на чем проигрывать.

— Я хочу изменить всё, — сказал я, глядя на свое отражение в стекле. — Я хочу марафон. Хочу кубики пресса, как в двадцать пять. Хочу чувствовать, как ветер проходит сквозь меня, а не застревает в складках на талии.

Жанна подошла сзади и обняла меня за пояс. Её руки едва сошлись на моем животе. Я непроизвольно втянул его, задерживая дыхание.

— Мы сделаем это, мой тигр, — прошептала она в спину. — Мы начнем с интервального голодания. Твой организм должен вспомнить, что такое истинный ресурс. Завтра утром — только теплая вода с лимоном и кайенским перцем. Это запустит огонь метаболизма.

— Да, — выдохнул я. — Огонь. Это именно то, что мне нужно.

Желудок снова подал голос — на этот раз громче и требовательнее. Звук был похож на ворчание старого пса, которого забыли покормить. Мне стало неловко.

— Слышишь? — улыбнулась Жанна, и в её улыбке мне на миг почудилось что-то холодное, как лезвие скальпеля. — Это твои паразиты умирают. Они требуют сахара и жира. Не слушай их. Мы сильнее.

Мы легли спать на широкую низкую кровать. Матрас был непривычно жестким — «для коррекции позвоночного столба и свободного течения праны». После мягкой, пахнущей лавандой и крахмалом постели Галины, здесь я чувствовал себя так, словно меня уложили на асфальт.

Жанна уснула мгновенно, едва коснувшись головой плоской подушки из гречневой лузги. Она дышала ровно и почти бесшумно, как эльф.

А я лежал и смотрел в потолок, по которому ползали блики от уличных фонарей.

В животе шло полномасштабное сражение. Мои «внутренние паразиты», судя по ощущениям, решили устроить революцию. Перед глазами, вопреки всем установкам на чистое сознание, поплыли образы. Золотистая корочка утки. Темный, густой соус со сливами. Домашний хлеб, еще теплый, с хрустящей горбушкой, которую Галя всегда отламывала специально для меня...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Это всё старые привычки. Это всё она — Галя. Даже на расстоянии она пытается дотянуться до меня через мои низменные инстинкты.

«Я свободен, — повторил я про себя, как мантру. — Я легок. Я очищаюсь».

Я прислушался к тишине квартиры Жанны. Здесь не тикало время. Здесь не бурлила жизнь в кастрюлях. Здесь была пустота — та самая великая пустота, о которой писали в умных книгах, что Жанна давала мне почитать.

Но почему-то в этой пустоте мне стало холодно. Я подтянул тонкое одеяло из органического хлопка к подбородку.

Ничего. Завтра я приду на работу. Я пройду мимо столовой, и этот запах — запах дешевого рагу и вчерашних щей — больше не вызовет у меня ни одной эмоции. Я буду пить свою воду с лимоном и смотреть сверху вниз на этих работяг, которые набивают животы тяжелым тестом, убивая в себе искру божью.

Я закрыл глаза. Последней мыслью, прежде чем забыться тревожным сном, было: «Интересно, а Галя выбросила утку или оставила в холодильнике?».

Я тут же устыдился этой мысли. Победители не оглядываются на чужие холодильники. Победители пьют воду на розовом кварце и готовятся к полету.

Где-то далеко, на другом конце города, Галина Ивановна, наверное, видела сны о новых рецептах. А я... я видел во сне белое пространство, в котором не было ничего, кроме

холодного, пронзительного ветра. И в этом ветре я, наконец, был абсолютно, пугающе легок.

Глава 3

Вода в раковине была почти обжигающей, но я не убавляла напор. Мне нужно было это ощущение — чтобы кожу стягивало, чтобы пальцы розовели, чтобы физическая боль отвлекала от той, другой, что ворочалась в груди тяжелым, неповоротливым зверем. Я методично намыливала тарелку за тарелкой, смывая жир, остатки соуса и тридцать лет своей жизни, которые Борис только что выбросил в мусорное ведро вместе с салфетками.

Хрусталь звенел под струей воды холодно и чисто. Я смотрела, как мыльная пена стекает по граням, разбиваясь на тысячи мелких радуг. Тишина в квартире была не просто отсутствием звука — она стала осязаемой, плотной, как застывший за кромкой окна ноябрьский туман Нефтегорска. Раньше этот дом дышал. Тикали часы, гудел холодильник, Боря ворчал в гостиной на футбольного судью или громко хрустел яблоком. Теперь дом замолчал, словно затаил дыхание, наблюдая за моим позором.

Нет. Не позором. Инвентаризацией.

Я вытерла руки полотенцем — жестким, льняным, — и вернулась в столовую. На столе всё еще стояла утка. Мой шедевр. Мой личный кулинарный гимн жемчужной свадьбе. В свете люстры она казалась изваянием из темного золота, но теперь, без Бориса напротив, в ней было что-то траурное.

Я подошла к шкафу в прихожей — тому самому, с большим зеркалом в пол, в которое он так самовлюбленно любовался перед уходом. На ковре, прямо у порога, я заметила крошечную белую точку. Наклонилась. Пуговица. Простая перламутровая пуговица от его любимой рубашки — той, что я вчера отпаривала, тщательно обходя воротничок, чтобы не оставить ни единой лишней складки. Видимо, сорвал, когда в спешке дергал чемодан из шкафа.

Я подержала её на ладони. Теплая. Маленькая улика его дезертирства. Тридцать лет я пришивала эти пуговицы, застирывала воротнички, выбирала галстуки, которые подходили бы к его серым глазам. Я была его личным интендантом, его тылом, его системой жизнеобеспечения. А он ушел в туфлях, которые я ему купила, в рубашке, которую я ему погладила, пахнувший моей заботой, чтобы дарить свою новую «легкость» женщине, которая не умеет отличить лопатку от шеи.

Я не сжала пуговицу в кулаке. Я просто подошла к мусорному ведру и разжала пальцы. Тихий стук пластика о дно. Вот и всё. Одной деталью меньше в его безупречном образе «свободного тигра».

Холодильник встретил меня привычным ровным гулом. Я открыла тяжелую дверцу и замерла. Полки были забиты. Это был не просто склад продуктов — это был музей моей преданности. Вон в том стеклянном контейнере — домашний паштет из печени с коньяком, который он любил намазывать

на подсушенный тост по субботам. Рядом — кастрюлька со щами из квашеной капусты, которые «доходили» до нужной кислинки именно к сегодняшнему вечеру.

Пять лет назад, когда у Бориса прихватило желудок — врачи тогда грозили язвой, — я месяц не отходила от плиты. Я превратила нашу кухню в диетический цех высшего разряда. Суфле из кролика на пару, протертые каши, кисели из лесных ягод... Я высчитывала граммы жира так, словно от этого зависел запуск ракеты в космос. Я выходила его. Я вернула ему румянец и блеск в глазах.

И вот теперь мой «пациент» решил, что он выздоровел настолько, что может плевать в руку, которая его кормила. «Холестериновая бомба», значит? «Медленная смерть»?

Я медленно закрыла холодильник. Внутри меня что-то щелкнуло, как затвор старого ружья. Обида, мягкая и податливая, вдруг начала кристаллизоваться, превращаясь в холодную, прозрачную ярость. Такую ярость я испытывала лишь однажды — когда десять лет назад поставщик попытался привезти в заводскую столовую партию подмороженного мяса под видом парного. Тогда я не кричала. Я просто посмотрела ему в глаза так, что мужик начал заикаться и вывез товар за свой счет в ту же минуту.

Я вернулась в спальню. Шкаф стоял распахнутым, как рана. Пустые вешалки сиротливо позвякивали от сквозняка. Он забрал всё самое лучшее. Всё, что я выбирала, одобряла, поддерживала в идеальном состоянии. Он унес плоды моего

труда, чтобы щеголять в них перед своей кадровичкой-воблой. Жанна... Имя-то какое, колючее, как сухая ветка.

Я села на кровать. Моя сторона была аккуратно застелена, его — взбудоражена, смята коротким, поспешным сбором. В воздухе еще дрожал аромат его одеколона — терпкий, древесный, мой подарок на прошлый Новый год.

Я вспомнила нас тридцать лет назад. Девяностые. Нефтегорск тогда не жил, а выживал. Завод стоял месяцами, зарплату выдавали то кастрюлями, то обещаниями. Я помню, как полночи стояла в очереди за костями, из которых потом варила такой наваристый бульон, что Борис ел его и плакал. Я всегда отдавала ему лучший кусок. Всегда. Оставляла себе хрящики и пустую юшку, подкладывая ему в тарелку мясо, чтобы у моего инженера были силы, чтобы он верил: дома всё хорошо, дома он — царь.

Я сама вырастила этого царя. Я выкормила его самолюбие, я выгладила его уверенность в себе, я выпестовала его лоск. И теперь он решил, что этот лоск — его личная заслуга. Что он «летит» сам по себе, а не потому, что я тридцать лет подкидывала уголь в топку его благополучия.

Я встала. Вишневый шелк платья зашуршал, напоминая о том, что вечер триумфа превратился в поминки по браку. Но я не собиралась хоронить себя вместе с ним.

На кухне я снова включила свет — весь, какой был. Хрусталь на столе вспыхнул дерзкими искрами. Я посмотрела на утку. Она остыла, но всё еще пахла так, что любой нормаль-

ный мужчина упал бы на колени.

Я подошла к зеркалу в прихожей. В нем отразилась статная женщина. Да, мне пятьдесят пять. Но в моих глазах не было потухшего взгляда жертвы. В них горел огонь цеха. Я — Галина Ивановна. Я кормлю полторы тысячи человек в день. Я знаю, как превратить тонну капусты в деликатес и как укротить самого хамоватого экспедитора.

Я взяла тарелку, положила на неё вторую утиную ножку — ту самую, которую берегла для Бори. Взяла нож и вилку. Я не стала садиться за стол. Я встала прямо перед зеркалом, глядя самой себе в глаза.

Первый кусок был холодным, но вкус раскрылся еще ярче. Пряность маринада, сладость меда, тонкий аромат дымка... Я ела медленно. Я смаковала каждое волокно мяса, чувствуя, как с каждым глотком ко мне возвращается сила. Это была не просто еда. Это был акт возвращения собственности.

Борис назвал это ядом? Что ж, пусть теперь питается «светом» и «энергией кварца». Пусть грызет свой сельдерей, пока у него не начнут расти зубы, как у зайца. Он хотел легкости? Он её получит. Такую легкость, от которой кружится голова на голодный желудок.

— За твоё здоровье, Боренька, — прошептала я, поднося к губам бокал с темным вином. — Пей свою воду с лимоном. А я буду есть утку.

В зеркале я видела, как мои губы тронула холодная, почти

хищная улыбка. Я не была «закармливающей мамочкой». Я была мастером своего дела. И если мой лучший клиент решил сменить ресторан, это не значит, что повар плох. Это значит, что клиент сошел с ума и скоро приползет обратно, замаливая грехи за тарелку горячего супа.

Но супа не будет.

Я доела мясо, аккуратно вытерла пальцы салфеткой. Взглянула на часы. Половина третьего ночи. Через три часа мне вставать. Заводская столовая не ждет, пока заведующая производством выплачет все слезы. Да и не было у меня больше слез. Они все испарились, превратившись в сухой, горячий порошок.

Завтра понедельник. Начало недели. Начало новой эры на «ТяжМаше».

Я представила себе завтрашний день. Борис придет на работу. Он будет чувствовать себя «очищенным». Он будет ждать, что я прибегу к нему в отдел логистики с судочком, буду заглядывать в глаза и умолять съесть хоть котлетку, «ради Христа».

Я усмехнулась.

Я пошла в ванную, смыла макияж, распустила волосы. Завтра я надену свой самый белый, самый накрахмаленный китель. Я надену колпак так, словно это корона из нержавеющей стали.

Весь завод уже наверняка знает. В нашем городке новости летают быстрее, чем запах свежей выпечки. «Борис Петро-

вич ушел к молодой». «Галина Ивановна осталась одна».

Пусть смотрят. Пусть шепчутся. Завтра они увидят не брошенную жену. Они увидят женщину, которая держит в руках ключи от самого главного органа каждого мужчины на этом заводе.

Я легла в кровать, на свою сторону. Холодная простыня поначалу обожгла, но я закрыла глаза и заставила себя расслабиться. Перед сном я не вспоминала наши отпуска, не прокручивала в голове его слова об уходе.

Я думала о меню.

Завтра мы отменим все льготные порции для администрации. Завтра в столовой будет «день открытых дверей», но не для всех.

Борис Петрович хотел легкости? Завтра я начну его тренировать. Первая стадия — общая очередь. Вторая стадия — диета по ГОСТу, без домашних изысков. А третья...

Я заснула с улыбкой на губах. Мне снился огромный, сияющий цех, где я стояла у главного котла, а Борис, маленький и прозрачный, как Жаннин смузи, пытался дотянуться до половника, но ветер — тот самый ветер «легкости» — уносил его всё дальше и дальше в холодную серую пустоту.

Спи спокойно, Боря. Свобода — это очень энергозатратное состояние. А ты сегодня так и не поужинал.

♥# *Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по*

этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/CcOL> Просто нажмите
кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к
карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради
Вас! ♥#

Глава 4

Раскаленный утюг с шипением выбросил струю пара, на мгновение окутав меня белым влажным облаком. Я прижала тяжелую стальную подошву к воротнику своего рабочего кителя, выглаживая его до хруста, до неестественной, почти хирургической белизны. В пять утра Нефтегорск за окном еще напоминал застывшую глыбу антрацита, прошитую редкими огнями фонарей, но внутри меня уже вовсю гудели турбины.

Я надевала китель медленно, застегивая каждую пуговицу так, словно фиксировала пластины брони. На груди, слева, красовалась вышивка: «Зав. производством Г. И. Котова». Моя фамилия, моя должность, моя территория. Борис мог забрать из дома свои итальянские туфли и даже ту перламутровую пуговицу, что я вчера выбросила в ведро, но он не мог забрать у меня завод. На «ТяжМаше» меня знали не как «жену начальника логистики», а как женщину, которая способна накормить полторы тысячи злых, голодных мужиков так, что они забывали о задержках зарплаты.

Зеркало в прихожей отразило незнакомку. Я нанесла макияж жестко, графично: четкие брови, губы цвета переспелой брусники, ни единого намека на припухшие веки. Если кто-то сегодня в столовой надеялся увидеть заплаканную брошенку, ищущую сочувствия в кастрюле с кашей, их жда-

ло горькое разочарование. Я выглядела как генерал перед решающим наступлением.

Холодный ноябрьский воздух на улице пах мазутом и замерзшей хвоей. Я шла к проходной, и звук моих каблуков по заледенелому асфальту чеканил ритм: «Шаг. Еще. Один».

— Доброе утро, Галина Ивановна, — Степаныч, вахтер с сорокалетним стажем, обычно бодрый и ворчливый, сегодня отвел глаза. Он возился с журналом посещений дольше обычного, лишь бы не встретиться со мной взглядом.

Информационное поле завода работало быстрее любого интернета. Борис Петрович ушел. Ушел к «молодой». К этой кадровичке, которая ходит по цехам так, словно боится испачкать подошвы о честный заводской пол.

— Здравствуй, Степаныч, — я приложила пропуск к турникету. Раздался сухой щелчок, и я вошла в чрево «ТяжМаша». — Что с лицом? Опять изжога замучила? Зайди в обед, девчонки киселя овсяного налили, он слизистую хорошо обволакивает.

Степаныч что-то буркнул под нос, явно удивленный моим спокойствием. А я уже шла дальше, мимо гудящих цехов, мимо огромных станков, которые начинали свой утренний прогрев. Завод — это живой организм, и столовая — его сердце. Если сердце забарахлит, встанет всё.

В пищеблоке уже стоял густой, плотный аромат — здесь пахло пассерованным луком, свежемолотым перцем и тем специфическим металлическим запахом огромных вароч-

ных котлов, который не спутаешь ни с чем.

— Начальница пришла! — раздался голос Вали, моей правой руки и главного ретранслятора всех сплетен города.

Валентина стояла у разделочного стола, шинкуя капусту с такой скоростью, что нож превращался в мерцающее пятно. Она была женщиной широкой души и такого же обхвата бедер, и сейчас её лицо выражало целую гамму чувств — от искреннего сочувствия до жгучего любопытства.

— Галочка... — она отложила нож и вытерла руки о фартук, намереваясь, видимо, заключить меня в удушающие объятия. — Ой, Галочка, мы же как узнали вчера... Ну Борис твой, ну кобель старый! И ведь к кому? К этой Жанне! Да у неё же в бедрах мяса меньше, чем в нашей диетической сосиске!

Весь цех — пять поварих и три кухонных работницы — замер. Пар над котлами, казалось, перестал подниматься. Все ждали моей реакции. Истерики? Жалоб?

Я прошла к своему столу, не снимая кителя, положила сумку и медленно надела высокий, безупречно накрахмаленный колпак. Поправила его перед небольшим мутным зеркалом у входа.

— Валентина, — мой голос прозвучал ровно, как гул трансформатора. — У нас сегодня по плану полторы тысячи порций биточков «Школьных» и рассольник ленинградский. Ты капусту дорезала?

— Да какая капуста, Галя! — всплеснула руками Валя.

— У тебя жизнь рушится! Мы тут все за тебя... Мы этой Жанне сегодня в тарелку такого нальем, что она до туалета добежать не успеет!

Я повернулась к ней. Медленно. Так, чтобы она увидела каждую искру в моих глазах.

— Мы здесь — профессионалы, Валя. Мы не травим людей. Мы их кормим. И личную жизнь мы оставляем за вертушкой проходной. Если я услышу еще хоть одно слово про Бориса Петровича или его... спутниц, ты до конца месяца пойдешь на чистку рыбы. Вопросы есть?

В кухне воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в дальнем котле закипает вода. Валя моргнула, сглотнула и схватилась за нож.

— Вопросов нет, Галина Ивановна. Дорезаю.

Я кивнула и прошла к конвектомам. Но внутри у меня всё дрожало от этой вынужденной сухости. Мне хотелось кричать не меньше, чем Вале, но я знала: если я дам слабину здесь, я потеряю власть. А власть — это единственное, что у меня осталось.

Я открыла журнал заявок. На глаза попался бланк отдела логистики.

Обычно я лично курировала их заказы. Для Бориса и его замов всегда собирался «спецпак». В отдельный эмалированный лоток отбирались самые пышные биточки, подлива делалась гуще, со сметаной, а не на одной муке, и обязательно — домашняя выпечка, которую я приносила из дома.

— Леночка! — позвала я молоденькую повариху на раздаче.

— Да, Галина Ивановна?

— Отдел логистики сегодня обслуживаем на общих основаниях. Никаких спецпайков. Лотки убрать. Пусть приходят в зал, берут подносы и встают в очередь. Поняла?

Лена округлила глаза.

— Но Борис Петрович... он же всегда... вы же говорили, у него режим, ему нужно отдельно...

— Борис Петрович теперь на другом режиме, — отрезала я. — На режиме «легкости и энергии». Так что пусть приывает к стандартному рациону. И проверь, чтобы биточки были ровно по восемьдесят граммов. Ни граммом больше.

Я вышла в обеденный зал. Огромное пространство с рядами столов, покрытых чистой, но выдавшей виды клеенкой. Здесь еще было пусто, только уборщица тетя Шура лениво возила шваброй по линолеуму.

И тут открылась дверь.

В зал вошла Жанна.

Она не должна была здесь быть так рано — администрация обычно обедает позже. Она шла своей летящей походкой, в узкой юбке-карандаш и тонком джемпере цвета слоновой кости. В этом храме пара и еды она выглядела как инородное тело. Тонкая, острая, искусственная.

Она остановилась у линии раздачи, брезгливо повела сво-

им точеным носиком, словно учуяла запах нечистот, а не свежего супа. Наши взгляды встретились.

В её глазах не было вины. Там было холодное любопытство энтомолога, изучающего жука под микроскопом. Она словно спрашивала: «Ну и как тебе, монументальная женщина? Как тебе в твоём белом халате, когда твой мужчина выбрал меня — легкую, как дыхание?».

Я не отвела взгляд. Я стояла, скрестив руки на груди, ощущая под пальцами твердость своего кителя. Я — хозяйка этой горы. А она — всего лишь туристка, которая забрела сюда по ошибке.

— Что-то потеряли, Жанна... как вас по батюшке? — громко, так, чтобы было слышно в кухне, спросила я.

— Виктория, — её голос был тихим, с легкой пришептыванием, которое так бесило меня в описаниях Бориса. — Я просто зашла посмотреть меню. Борису теперь нужно особое питание. Без углеводов, без трансжиров... Я надеюсь, ваша кухня может обеспечить достойный уровень?

Я усмехнулась. Это было так жалко и так самоуверенно одновременно, что гнев во мне сменился ледяным спокойствием.

— Наша кухня, Виктория, обеспечивает уровень, соответствующий государственным стандартам и потребностям работающего человека. Если Борису Петровичу нужно что-то особенное — рекомендую приносить ему сельдерей в контейнере. Но учтите: принимать пищу на рабочих местах за-

прещено приказом директора. Так что милости просим в общую очередь.

Жанна поджала губы, её лицо на миг потеряло свою «просветленность».

— Мы еще обсудим это с руководством, — бросила она и, резко развернувшись, вышла из зала.

Я смотрела ей в спину, и мои пальцы невольно сжались в кулаки.

«Обсудим с руководством», значит? Ну-ну. На «ТяжМа-ше» директор может простить задержку поставок, но он никогда не простит бунт в столовой. А я здесь — неоспоримый авторитет.

Я вернулась на кухню. Работа закипела с новой силой. Ножи стучали по доскам, пар вырывался из-под крышек, повара бегали с противнями. Это был мой оркестр, и я начинала свою партию.

— Валя! — позвала я.

— Ась, Галочка?

— На завтра закажи на склад дополнительно десять килограммов ванили и пять — корицы.

Валентина замерла с половником в руке.

— Зачем столько? У нас по плану булочки «Дорожные», там столько не надо.

Я посмотрела на вентиляционную решетку, которая выходила напрямиком в коридор административного корпуса, где

сидели логисты и кадры.

— Мы объявляем месяц домашней выпечки. Будем печь синнабоны, сдобные улитки с маком, ванильные шанежки. Хочу, чтобы каждый сантиметр этого завода пропитался запахом сахара, масла и тепла. Чтобы этот аромат забивался в ноздри, чтобы от него кружилась голова даже у тех, кто возомнил себя святым духом.

Валя хитро прищурилась, и её круглое лицо расплылось в понимающей улыбке.

— Поняла тебя, Галина Ивановна. Сделаем. Ох, сделаем! Запах будет такой, что у мужиков слюни до колен потекут.

Я кивнула и пошла к себе в кабинет писать накладные.

Победа куется не только в сражениях. Она куется в деталях. Борис думает, что он вырвался из «майонезного рабства»? Что ж, я устрою ему пытку похуже. Я заставлю его обонять то, что он потерял, каждую минуту его рабочего дня.

Я села за стол, взяла ручку. Рука была твердой.

Борис всегда был слаб на сладкое. Он мог отказаться от мяса, но перед моей сдобой он всегда пасовал. Я знала его слабые места лучше, чем он сам. И я намерена была бить по ним методично, вкусно и безжалостно.

«Питайся дошираками, муженек», — подумала я, выводя каллиграфическим почерком: «Ванилин — 10 уп.».

Завтра на «ТяжМаше» будет очень пахучий день. А сегодня... сегодня я просто буду смотреть, как он стоит в очере-

ди с подносом. Первый раз за тридцать лет.

Глава 5 (Борис)

от лица Бориса

Солнечный луч, пробившийся сквозь безупречно чистые, лишённые штор окна высотки, полоснул меня по глазам, как хирургический лазер. Я попытался перевернуться на бок, но спина отозвалась сухим, предупреждающим хрустом. Гречневая лузга в подушке Жанны шуршала под ухом так, словно в наволочку набили сухую листву, собранную у обочины трассы.

— Это тело освобождается от токсинов, Борис, — раздался тихий, вибрирующий голос Жанны.

Я открыл глаза. Она стояла в дверях спальни, залитая утренним светом, тонкая и прямая, как струна дорогого инструмента. В облегающем костюме цвета морской волны она казалась духом этой стерильной квартиры.

— Позвоночник — это антенна нашей души, — продолжала она, подходя ближе. — Тридцать лет ты спал на пуховых перинах, которые впитывали твою энергию и возвращали её назад в виде лени. Жёсткость — это честность, Борис.

Я сел, стараясь не кряхтеть. Тело ныло. В животе, там, где обычно после пробуждения чувствовалось приятное тепло в ожидании завтрака, теперь зияла странная, гулкая пустота. Вчерашняя вода на кварце, кажется, испарилась, не оставив после себя даже воспоминания.

— Иди на кухню, — Жанна коснулась моего плеча холодными пальцами. — Твои клетки ждут пробуждения.

Я встал, пошатываясь. В ванной, глядя на себя в зеркало с яркой подсветкой, я заметил, что лицо стало бледнее. «Очищение», — напомнил я себе. Галя всегда говорила, что у меня «здоровый румянец», но теперь я понимал: это было просто вечное расширение капилляров от переедания и горячих супов.

На кухне не пахло ни кофе, ни поджаренным беконом. Пахло свежестью, озоном и чем-то острым. На стеклянном столе стоял высокий стакан с мутной желтоватой жидкостью, по поверхности которой плавали зловещие красные хлопья.

— Что это? — спросил я, стараясь, чтобы голос не звучал слишком жалобно.

— Твой утренний эликсир. Тёплая структурированная вода, сок органического лимона и щепотка кайенского перца. Это запустит огонь метаболизма и вымоет застойную лимфу. Пей мелкими глотками, осознавая, как огонь сжигает старое.

Я взял стакан. Первый глоток отозвался в пустом желудке настоящим взрывом. Перец впился в слизистую, лимон заставил челюсти свестись в судороге.

— Ого... — выдохнул я, чувствуя, как по лбу пробивается испарина.

— Это выходит твой гнев, — Жанна довольно кивнула, потягивая свой зеленый сок из сельдерея. — Гнев на прошлое, на ту жирную, тяжелую пищу, которой тебя травил.

Не останавливайся.

Я честно допил «эликсир» до дна. Внутри действительно что-то разгорелось — но это не был огонь созидания. Это было ощущение, что я проглотил тлеющий уголь.

— Теперь одевайся, — она нежно поцеловала меня в щеку. — Мне нужно заскочить в отдел кадров раньше обычного. У директора сегодня совещание по оптимизации, я должна подготовить списки.

Я пошел в спальню к шкафу. Мои вещи висели отдельно — тонкий островок в её белоснежном гардеробе. Я достал рубашку. Белоснежный хлопок, воротничок-стойка. Галина гладила её в субботу. Она всегда использовала какой-то особенный режим пара и каплю кондиционера с ароматом лаванды. Ткань скользнула по телу, идеально облекая плечи.

На мгновение мне стало так уютно, что я едва не зажмурился. Это было физическое ощущение безопасности — так пах мой дом последние тридцать лет.

— Что это? — Жанна появилась за спиной, морща нос.

— Рубашка, — ответил я, застегивая пуговицы. — Галя... ну, ты знаешь, она всегда следила за моими вещами.

— Лаванда? — Жанна брезгливо коснулась рукава. — Борис, это запах стагнации. Искусственные отдушки блокируют обонятельные рецепторы и мешают тебе чувствовать истинные ароматы мира. И эта глажка... слишком много механического давления на волокна. Ткань «убита». Вечером мы поедem в шоурум, выберем тебе необработанный лен и

конопляное волокно. Они дышат вместе с тобой.

Я хотел сказать, что лен мне не идет, что он вечно выглядит мятым, а я — начальник отдела логистики «ТяжМаша», мне нужна солидность. Но я промолчал. Победители не спорят из-за кондиционера для белья.

Жанна ушла, хлопнув дверью своей «Теслы», а я сел в свою «Тойоту».

По дороге к заводу я проезжал мимо маленькой пекарни на углу Ленина и Заводской. Обычно я здесь не останавливался — Галя всегда собирала мне завтрак с собой: бутерброды с запеченной бужениной или домашние пирожки с капустой. Но сегодня...

Запах свежееиспеченного хлеба пробился в салон даже через фильтры климат-контроля. Он был плотным, теплым, почти осязаемым. Дрожжи, солод, хрустящая корочка.

Мой желудок отозвался таким мощным, раскатистым рыком, что я невольно вцепился в руль сильнее. «Это умирают внутренние демоны», — повторил я мантру Жанны. «Это старые клетки требуют сахара. Я сильнее».

Но перед глазами почему-то встал образ: Галина отламывает горбушку от свежего батона, и пар поднимается над белым мякишем, как облако.

Я нажал на газ, пролетая мимо пекарни. Очищение требует жертв.

Завод встретил меня привычным гулом. «ТяжМаш» — это махина, которая не знает жалости. Грохот прессов, запах

окалины и масла. Обычно я любил эту атмосферу, она давала мне чувство власти. Но сегодня лестница в административном корпусе показалась мне необычайно крутой. На третьем этаже у меня перехватило дыхание, а в висках застучали маленькие молоточки.

— Доброе утро, Борис Петрович! — мой заместитель, Савельев, вошел в кабинет с кипой накладных.

Савельев был мужчиной крупным, любящим жизнь и хорошие закуски. От него пахло копченой колбасой — видимо, только что перехватил в буфете.

— Утро, — коротко бросил я, стараясь не вдыхать слишком глубоко. Запах колбасы показался мне в тот момент самым прекрасным и одновременно самым отвратительным ароматом во вселенной.

— Борис Петрович, вы... как-то осунулись? — Савельев прищурился. — Болели? Цвет лица какой-то... восковой.

— Я в отличной форме, Савельев, — отрезал я, выпрямляя спину. — Просто перешел на более эффективный режим энергообмена. Что там с отгрузкой на северный филиал?

Савельев начал докладывать, но цифры плыли у меня перед глазами. Графики превращались в какие-то странные макароны, а красные отметки дефицита — в кусочки пепперони. Я ловил себя на том, что смотрю не в отчет, а на его пухлые пальцы, и представляю, как хрустит салат в его сэндвиче.

«Легкость, — напоминал я себе. — Я — энергия. Я — полет».

— Борис Петрович? Вы слушаете? — Савельев замолчал, подозрительно глядя на меня.

— Да. Отгрузку задержать до согласования с кадрами по штатному расписанию. Свободен.

Когда он вышел, я тяжело опустился в кресло. Голова кружилась. В животе огонь кайенского перца сменился ледяным холодом пустоты. Я взглянул на часы.

Одиннадцать тридцать.

Скоро обед.

Внутри меня затеплилась надежда. Галя.

Да, мы расстались. Да, я сказал ей ужасные вещи. Но Галя... она же Галя. Она заведующая производством. Она профессионал старой закалки. Тридцать лет она следила за тем, чтобы я был накормлен, вопреки любым ссорам. Даже когда мы не разговаривали по два дня после моих задержек на работе, на столе всегда стоял ужин.

Она не сможет иначе. Это её природа. Кормить — это её способ существовать. Наверняка она уже распорядилась, чтобы мой «спецпак» был готов. Она ведь знает, что у меня гастрит (который я теперь считал «энергетическим блоком», но всё же). Она не смешает личное с рабочим.

Я представил, как вхожу в подсобку через служебный вход. Там всегда пахнет уютно, а не столовским паром. Галя выставит мой лоток. Там будет домашнее рагу. Или, может быть, тефтели в белом соусе. Она посмотрит на меня — обиженно, конечно, — но кормить будет.

Она не даст мне упасть в обморок прямо на совещании. Она слишком сильно меня любит. Любила? Нет, такие женщины, как Галя, не перестают заботиться по щелчку пальцев. Она просто не умеет по-другому.

Я встал и поправил галстук. Чувство уверенности вернулось ко мне. Жанна дает мне духовный рост, но Галя... Галя — это мой фундамент. Она позлится, поплачет, но обед предоставит. В конце концов, я всё еще Борис Петрович, начальник отдела.

Я вышел из кабинета. Шаг стал тверже. Слюна непроизвольно наполнила рот при мысли о густой подливке.

«Я просто возьму свой лоток, — думал я, спускаясь в сторону столовой. — Съем немного, чтобы Жанна не заметила по запаху. Только самое диетическое. Галя поймет. Она всегда всё понимала».

В коридоре уже потянулись первые группы рабочих в синих робах. До столовой оставалось сто метров. Запах еды — настоящий, жирный, заводской — ударил в ноздри, как кувалда. Рассольник. Жареная рыба. Тушеная капуста.

Раньше я бы поморщился. Сегодня этот запах показался мне гимном жизни.

Я ускорил шаг, сворачивая к двери служебного входа, к своему персональному раю за закрытыми дверями. Я был уверен: Галя уже ждет. Она ведь не может оставить меня голодным. Это просто невозможно.

Последняя мысль, мелькнувшая в голове, была почти

нежной: «Ну и пусть ворчит. Главное — чтобы суп был горячим».

Глава 6

Пар в столовой «ТяжМаша» к полудню становился плотным, почти осязаемым, как серая вата. Он пах солеными огурцами из рассольника, жареным минтаем и влажной хлоркой, которой тетя Шура только что протерла полы в зале. Это был запах тяжелого труда и дешевых калорий — ритм, под который мой завод жил десятилетиями.

Я стояла у главного котла, чувствуя, как под накрахмаленным колпаком потеет затылок. Мои повара работали как отлаженный часовой механизм. Валя с грохотом выставляла на мармиты свежие противни с биточками, Леночка на раздаче мелькала белым чепчиком, разливая суп с точностью аптекаря. Это была моя стихия. Мое поле боя. И я знала, что враг уже на подступах.

— Галина Ивановна, — шепнула Валя, проплывая мимо с огромным черпаком. — Идет. С черного хода, как обычно. Морда бледная, а нос по ветру держит.

Я не обернулась. Я медленно поправила нарукавники. Внутри всё сжалось в тугую, холодный узел, но пальцы, сжимавшие ручку тяжелого стального половника, не дрогнули.

Дверь служебного входа, снабженная табличкой «Посторонним вход воспрещен», открылась без стука. Борис вошел так, словно эта кухня была продолжением его собственной гостиной. Он даже не снял пиджак — дорогой, темно-серый,

купленный нами в прошлом году на премию. На фоне наших заляпанных жиром плит и огромных алюминиевых баков он выглядел как залетный инопланетянин, решивший снизойти до простых смертных.

Он шел прямо к своему излюбленному закутку за холодильниками, где стоял маленький столик, накрытый чистой ветошью. Тридцать лет он обедал здесь, вдали от гомона общего зала и стука дешевых вилок.

— Галь, ну и жара у вас тут, — Борис поморщился, вытирая лоб платком. Тем самым, с вышитой буквой «Б», который я подарила ему на прошлый день рождения. — Я сегодня припозднил, Савельев со своими отчетами загрыз. Давай, наливай чего-нибудь погорячее. У меня внутри как будто ледяная глыба застряла.

Он сел на стул, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки — той самой, пахнувшей лавандой, — и выжидающе посмотрел на меня. В его взгляде не было ни тени раскаяния. Только привычное, ленивое ожидание обслуживания. Он был уверен, что мой вчерашний «концерт» с уткой — лишь временное помешательство, вызванное гормонами или усталостью. Для него я всё еще была функцией. Удобным приложением к его желудку.

Я медленно повернулась. Сталь половника тускло блеснула в свете люминесцентных ламп.

— Борис Петрович? — я произнесла это громко. Громче, чем требовала ситуация.

Валя замерла с ножом над батоном. Леночка на раздаче чуть не пролила компот. Вся кухня обратилась в слух.

— Ты чего, Галь? — Борис осекся, его рука, уже тянувшаяся к корзинке с хлебом (пустой, кстати), замерла в воздухе. — Какое еще «Борис Петрович»? Свои же.

Я сделала два шага вперед, преграждая ему путь к плите. Половник я держала перед собой, как гвардеец держит алебарду на посту.

— Свои у нас дома, в семейном альбоме остались, — мой голос был ровным, сухим и профессионально-холодным. — А здесь — режимный объект. Территория пищеблока. Посмотрите на табличку на двери, Борис Петрович. Там ясно написано: «Посторонним вход воспрещен». Даже начальникам отделов. Даже в итальянских туфлях.

Борис моргнул. Его кадык дернулся. Я видела, как в его глазах медленно, со скрипом проворачиваются шестеренки. Он не верил. Просто не мог поверить, что я, его Галочка, выставлю его за дверь перед лицом подчиненных.

— Галь, ну ты чего... — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, перекошенной. — Перестань. Я голодный как собака. Со вчерашнего дня ничего нормального не ел. Жанна там... в общем, давай без сцен. Положи мне рассольника, я быстро перехвачу и уйду.

— Рассольник — в зале, — я указала половником на дверь, ведущую в общий зал. — Там линия раздачи. Там подносы. Там общая очередь.

— В очередь? — Борис даже привстал. Его лицо из бледного стало пятнисто-красным. — Ты мне предлагаешь стоять в очереди с грузчиками? Мне? Начальнику логистики? Галя, ты в уме?

Я подошла вплотную. От него пахло кайенским перцем и какой-то кислятиной — видимо, та самая «чистка лимфы» давала о себе знать. А от меня пахло тридцатью годами безупречного сервиса, который он только что променял на смузи.

— Борис Петрович, — я понизила голос, но в нем прорезался металл. — Спецобслуживание для «членов семьи директора кухни» аннулировано в связи с ликвидацией семьи. Вы теперь — рядовой потребитель. Такой же, как Вася из литейного или тетя Шура со шваброй. Льготы закончились. Домашняя подливка — тоже.

— Ты... ты мне это серьезно? — прошипел он, косясь на поварах, которые уже не скрывали своих ухмылок. — Из-за какой-то глупости ты меня позоришь на весь завод?

— Позорите себя вы сами, Борис Петрович, когда приходите побираться туда, где вас больше не ждут. Уходите. Или я сейчас вызову охрану и зафиксирую нарушение санитарных норм посторонним лицом в стерильной зоне.

Борис открыл рот, собираясь что-то выкрикнуть, но взгляд мой был таким, что он подавился словами. Я не была его женой в этот момент. Я была Заведующей Производством Галиной Ивановной Котовой, женщиной, которая пе-

режила трех директоров завода и два дефолта.

Он резко развернулся, едва не задев плечом полку с кастрюлями.

— Ну и подавись своим рассольником! — бросил он через плечо.

— Приятного аппетита, Борис Петрович! — громко крикнула я ему в спину. — Вторая касса свободна!

Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что половники на стене жалобно звякнули.

В кухне повисла пауза. А потом Валя громко, со вкусом выдохнула:

— Ух, Галина Ивановна... Ну вы и выдали. Прямо как на партсобрании. Видали, как у него глаз задергался?

Я ничего не ответила. Я подошла к раковине и подставила руки под холодную воду. Они дрожали. Совсем чуть-чуть, но я это видела. Тридцать лет я накрывала ему этот чертов стол. Тридцать лет я следила, чтобы его тарелка была самой горячей, а кусок мяса — самым мягким. Вырвать эту привычку из себя было всё равно что снять кожу без наркоза. Но я сделала это.

— Леночка, — позвала я раздатчицу. — Иди на линию. Сейчас вторая смена повалит. Следи за порциями. И... — я сделала паузу, вытирая руки. — Когда Борис Петрович подойдет, положи ему рассольника из самого низа котла. Там, где одна гуща из перловки. Пусть жует. Чистое сознание тре-

бует тщательного пережевывания.

Я вышла в зал через боковую дверь. Огромное помещение гудело, как растревоженный улей. Рабочие в синих и серых спецовках, инженеры в светлых рубашках, бухгалтерия в трикотаже — все они двигались вдоль алюминиевых перил раздачи.

И я увидела его.

Борис стоял в самом конце очереди, зажатый между двумя огромными парнями из прессового цеха. Парни были потные, шумные, от них пахло металлической стружкой и табаком. Борис, в своем отутюженном пиджаке, выглядел среди них как декоративный пудель, случайно попавший в вольер к волкодавам.

Он держал пластиковый поднос — желтый, с неотмываемым пятном от чьего-то вчерашнего гуляша. Его лицо было каменным, но я видела, как он то и дело поправляет галстук, словно тот его душил.

— Глянь, Петрович в очереди стоит! — донесся до меня чей-то зычный голос. — Чё, Борис Петрович, Галка из дома выгнала? Пришлось к народу спускаться?

Вокруг раздался хохот. Грубый, простой, рабочий смех. Борис не ответил. Он смотрел прямо перед собой, на спину рабочего, но его уши пылали пунцовым цветом.

Я встала за стойку кассы, прямо напротив него, хотя это была не моя работа. Я хотела видеть это. Я хотела досмотреть этот спектакль до конца.

Очередь двигалась медленно. Борис переминался с ноги на ногу. Я видела, как он втягивает носом воздух. В зале пахло вкусно — мы сегодня постарались. Перловый суп на говяжьей косточке, золотистый минтай в кляре, пюре с маслом. Для человека, который с утра пил только «огненную воду» с перцем, это должно было быть настоящей пыткой.

Когда он, наконец, дошел до Леночки, он выглядел так, будто провел смену у мартена.

— Рассольник... и пюре, — выдавил он, не глядя на девушку.

— Хлеб брать будете? — звонко спросила Лена, следуя моей инструкции.

Борис замялся. Я видела борьбу в его глазах. Жанна наверняка запретила ему «дрожжевой яд». Но голод — это не Жанна. Голод — это инстинкт.

— Два куска, — буркнул он.

Я пробила чек.

— С вас семьдесят восемь рублей, Борис Петрович. Сдачи не будет, поищите мелочь.

Он поднял глаза на меня. В них была такая концентрированная ненависть, смешанная с отчаянием, что мне на миг стало его жаль. Но только на миг. Я вспомнила, как он отодвинул мою утку. Как он назвал мой труд ядом.

— Держи, — он бросил на стойку сторублевку. — Оставь себе. На новые половники.

— Мы чаевых не берем, — я аккуратно отсчитала сдачу и положила на блюдце. Медью. Чтобы он подольше собирал её своими дрожащими пальцами. — У нас всё строго по ведомости.

Борис сгреб монеты, едва не уронив поднос, и быстро пошел в самый дальний угол зала. Он сел спиной ко всем, низко наклонившись над тарелкой.

Я смотрела, как он жадно, почти не жуя, проглотил первую ложку супа. Моего супа. Из низа котла. Где одна перловка и соленые огурцы.

— Приятного аппетита, Боренька, — прошептала я, чувствуя, как внутри меня медленно, по капле, выкипает старая боль, оставляя место для чего-то нового. Для холодной, расчетливой силы.

Я обвела взглядом зал. Мой завод ел. Мои люди были сыты. А мой бывший муж впервые за тридцать лет узнал истинную цену бесплатного обеда.

Это было только начало. Вторая смена только заступала на дежурство, а мой «Месяц домашней выпечки» уже зрел в планах, обещая Борису Петровичу такие круги ада, о которых не писал даже Данте. Только в моем аду пахло не серой, а ванилью и корицей. И это было гораздо, гораздо мучительнее.

Глава 7

Сквозь стекло кассовой будки зал столовой казался аквариумом, наполненным мутной водой и усталыми рыбами в синих спецовках. Гул сотен голосов, звон алюминиевых вилок о тарелки, шарканье подошв по линолеуму — эта симфония общепита была моим ежедневным саундтреком уже тридцать лет. Но сегодня я слушала её иначе. Сегодня в этом оркестре была солирующая партия, за которой я наблюдала с мстительным, холодным интересом.

В самом дальнем углу, у окна, за которым серый ноябрьский ветер гонял по двору обрывки газет, сидел начальник отдела логистики Борис Петрович.

Он сидел ссутулившись, втянув голову в плечи, словно пытался спрятаться за спиной широкоплечего фрезеровщика, уплетающего двойную порцию макарон. Передо мной лежал журнал кассового учета, но глаза мои были прикованы к этому углу.

Я видела, как Борис взял вилку. Дешевую, штампованную, с гнутыми зубцами — такую, какой невозможно наколоть ничего тверже вареной морковки. Он подцепил котлету.

О, я знала эту котлету. В нашей технологической карте она проходила под кодовым названием «Изделие мясосодержащее № 2». Мы готовили её строго по ГОСТу, утвержденному для бюджетного питания: сорок процентов говядины

второго сорта, двадцать процентов свиной обрезки, а остальное — хлеб, вымоченный в воде, и панировочные сухари. Честная, сытная, но абсолютно бездушная еда.

Борис надавил вилкой. Котлета не брызнула соком, как те, что я жарила ему дома из трех видов парного фарша, добавляя колотый лед и капельку сливок для нежности. Нет, заводская котлета глухо прогнулась и разломилась, обнажив серую, пористую структуру, в которой белели вкрапления непромешанного батона.

Я видела, как дернулся его кадык. Он поднес кусочек ко рту, понюхал. Наверное, искал привычный аромат мускатного ореха или свежего чесночка. Но «Изделие № 2» пахло только жареным маслом и честностью.

Он положил кусок в рот. Сделал жевательное движение. Замер.

В моей голове, как на киноплёнке, пронеслось воспоминание: прошлая суббота. Борис сидит на кухне в одних трусах, довольный, розовый после душа, и макает кусок домашней котлеты «по-киевски» в растопленное масло. «Галочка, — говорит он с набитым ртом, — это не еда, это песня. Тебе надо памятник поставить при жизни. Из сливочного масла».

Сейчас памятник рухнул.

Борис проглотил комок с явным трудом, тут же схватился за стакан с компотом из сухофруктов. Компот у нас тоже был «по норме» — сахара минимум, цвет бледно-коричневый, вкус — как воспоминание о лете, которое давно прошло.

Он поднял глаза и встретился со мной взглядом через весь зал. В его серых глазах плескалась такая детская, искренняя обида, что мне захотелось рассмеяться. Он всерьез считал, что я нарушила некий вселенский договор. Как я могла? Я, которая знала каждый изгиб его кишечника, каждая прихоть его вкусовых рецепторов, я подала ему... это?

«Ешь, Боря, ешь, — мысленно прошептала я, постукивая ручкой по столешнице. — В хлебе много витаминов группы В. Для нервов полезно. А нервы тебе понадобятся».

Он отодвинул пюре — синюшное, на воде, без единого грамма сливочного масла. Ткнул ложкой в рассольник. Перловка там была жесткой, «аль денте», как любят говорить в модных ресторанах, но здесь это означало лишь то, что крупу не допарили.

Это был его выбор. Он хотел «легкости». Он хотел уйти от «кухонного рабства». Добро пожаловать в свободный мир, где еда — это просто топливо, а не акт любви.

Внезапно входная дверь столовой распахнулась с таким грохотом, будто в неё ударили тараном. Сквозняк ворвался в душный зал, принес с собой запах морозной свежести, дорогой кожи и чего-то неуловимо мужского, крепкого, настоящего.

На пороге стоял Павел Егорович.
Фермер. Поставщик. Человек-гора.

Ему было пятьдесят восемь, но это были не те пятьдесят восемь, что у Бориса — с одышкой и страхом перед холесте-

рином. Это были годы, выкованные в работе на земле. Павел был в расстегнутой дубленке, под которой виднелся толстый шерстяной свитер грубой вязки. Его лицо, обветренное, с глубокими морщинами у глаз, светилось здоровьем и уверенностью хозяина жизни.

Разговоры за ближайшими столиками стихли. Женщины из бухгалтерии, сидевшие у окна, синхронно выпрямили спины и поправили прически. Павел действовал на женский пол как магнит — от него веяло надежностью, той самой, по которой тоскует любая баба, уставшая тащить всё на себе.

Он не стал брать поднос. Он не встал в очередь. Он прошел через зал широким, хозяйским шагом, держа в руках увесистый крафтовый сверток, перевязанный бечевкой.

— Галина Ивановна! — его бас перекрыл звон посуды. — Принимайте стратегический запас!

Он подошел прямо к моей будке, но не стал наклоняться к окошку, а обошел стойку и встал рядом, у линии раздачи. Леночка, которая только что флегматично плюхала пюре в тарелки, замерла и зарумянилась, как сдобная булочка.

Я вышла из-за кассы.

— Павел Егорович, — я улыбнулась, и эта улыбка не имела ничего общего с той дежурной гримасой, которую я носила всё утро. — Вы сегодня рано. Мы поставку только к четвергу ждали.

— Для казенных нужд — к четвергу, — он с грохотом опустил сверток на прилавок из нержавеющей стали. Бумага тут же

промокла, явив миру содержимое. — А это — лично для заведующей. Эксклюзив.

Он развернул бумагу.

На прилавке лежала вырезка. Не просто мясо — произведение искусства. Темно-рубиновая, влажная, с тонкими, как паутинка, прожилками жира. Парная говядина, которая еще утром гуляла по лугу. От неё пахло молоком и силой. На фоне наших серых котлет этот кусок мяса выглядел как бриллиант в куче щебня.

— Вырезка, — выдохнула Валя, выглядывая из кухни. У неё, профессионала, глаза загорелись хищным огнем. — Красота-то какая... Павел Егорович, это ж грех такое на котлеты пускать!

— Какие котлеты, Валентина! — Павел махнул своей огромной ладонью. — Это мясо требует нежности. Его только на карпаччо или на медальоны с кровью. Я как увидел этот отруб, сразу про Галину Ивановну подумал.

Он повернулся ко мне. Мы стояли близко. Я чувствовала исходящий от него жар — он был горячим, как печь. Я невольно поправила воротничок кителя, ощущая себя вдруг не «товарищем заведующей», а женщиной. Маленькой женщиной рядом с большим мужчиной.

— Галина Ивановна, — он чуть наклонился, заглядывая мне в глаза. Его глаза были карими, с веселыми золотистыми искорками. — Вы сегодня какая-то другая. Сияете. Прямо расцвели, ей-богу.

Я усмехнулась, но щеки предательски потеплели.

— Скажете тоже, Павел Егорович. Смена тяжелая, пар, жара... Это у меня давление, наверное.

— Нет, — он покачал головой, и его взгляд скользнул по моей фигуре, затянутой в белый халат. — Это не давление. Это свобода. Видно, скинули какой-то лишний балласт с плеч? Осанка стала — королевская.

Краем глаза я увидела движение в углу зала. Борис. Он привстал со стула, не выпуская из руки вилку. Его шея вытянулась, как у гусака. Он не слышал всего разговора, но он видел мясо. И он видел, как Павел смотрит на меня.

— Балласт, говорите? — переспросила я, глядя Павлу прямо в глаза. — Можно и так сказать. Провела, так сказать, оптимизацию производства. Избавилась от неликвидных активов.

Павел рассмеялся. Смех у него был густой, рокочущий, идущий из самой грудной клетки.

— И правильно! Такая женщина, как вы, Галина Ивановна, достойна только парного продукта. Высшего сорта. А не этого... — он брезгливо кивнул в сторону подносов с заводской едой, — ...силоса.

Он произнес слово «силос» с таким пренебрежением, что я невольно прыснула.

— А что поделать, Павел Егорович. ГОСТы. Диетическое

питание. Некоторые вот нынче, — я повысила голос, чтобы он долетел до дальнего угла, — предпочитают именно силос. Говорят, от него легкость в организме образуется. Летать хочется.

Павел перестал смеяться. Он медленно повернул голову и посмотрел туда, куда смотрела я. На Бориса.

Борис сидел, вцепившись в стол. Он был бледен, жалок в своем дорогом пиджаке, с недоеденной хлебной котлетой перед носом. На фоне Павла — мощного, витального, пахнущего зимой и мясом — мой бывший муж казался картонной куклой, которую забыли убрать под дождь.

Павел, конечно, знал Бориса. Нефтегорск — город маленький. Но сейчас он смотрел на него как на пустое место. Как на ошибку природы.

— Мужики нынче измельчали, Галина Ивановна, — громко сказал Павел, снова поворачиваясь ко мне. — Всё за модой гонятся. Сельдерей жуют, смузи всякие хлебают. Тьфу! Смотреть тошно. От такой еды не мужик получается, а трава перекаати-поле. Дунет ветер — и нет его.

— Ваша правда, — согласилась я, чувствуя, как внутри разливается сладкое, горячее торжество. — На траве далеко не уедешь.

— Вот именно! — Павел ударил кулаком по ладони. — Настоящую женщину, Галина Ивановна, надо удерживать не легкостью, а весом. Авторитетом! И мясом. На парном мясе надо жизнь строить, а не на воде с лимоном.

Я увидела, как Борис дернулся, словно получил пощечину. Он знал про воду с лимоном. Это была цитата из его новой «библии», которую ему читала Жанна. Откуда Павел знал? Или это просто мужская интуиция?

Павел вдруг накрыл мою руку, лежащую на прилавке, своей ладонью. Его рука была огромной, шершавой, теплой. Это было прикосновение не коллеги, не партнера. Это была за-
явка.

— Галина Ивановна, — его голос стал тише, интимнее, но от этого пробирал еще глубже. — Я в пятницу кабанчика забиваю. Молодого, молочного. Хочу вас пригласить.

— На забой? — я вскинула брови, не убирая руки.

— Ну зачем же на забой. На дегустацию. Приезжайте ко мне на ферму вечером. Я баню истоплю, шашлык сделаю правильный. Из шеи. Замариную в луковом соке, как вы учили. Посидим, поговорим... о технологических картах.

Это было настолько прямолинейно, настолько по-деревенски грубо и одновременно честно, что у меня перехватило дыхание. Борис тридцать лет ходил вокруг да около, намекал, юлил. А этот просто пришел и сказал: «Я хочу тебя накормить». Для повара это высшая форма флирта.

Я посмотрела на Бориса. Он встал. Его лицо пошло красными пятнами. Он смотрел на руку Павла, накрывающую мою ладонь. В его руке алюминиевая вилка начала медленно изгибаться. Зубцы разошлись в разные стороны.

— Я подумаю, Павел Егорович, — ответила я, глядя на

Павла, но зная, что Борис слышит каждое слово. — Хорошее мясо — это всегда заманчиво. А то, знаете ли, устала я от полуфабрикатов. Хочется чего-то настоящего.

— Вот и договорились, — Павел просиял. Он, кажется, даже не заметил Бориса. Или сделал вид. Для него в этом зале существовала только я и кусок вырезки.

Он убрал руку, но тепло осталось на моей коже.

— Мясо Вальке отдайте, пусть в холодильник уберет. А лучше — домой заберите. Негоже казенным духом такой продукт портить. До пятницы, Галина Ивановна!

Он подмигнул мне, развернулся и пошел к выходу. Его шаги гулко отдавались в притихшем зале. Он шел как ледокол, раскалывающий серую обыденность.

Когда дверь за ним закрылась, в столовой повисла звенящая тишина. Слышно было только, как звякнула упавшая на пол вилка.

Я посмотрела в угол. Борис стоял над своим столом. Вилка валялась у его ног, скрученная в узел. Он смотрел на меня с такой смесью ненависти, ревности и голода, что мне стало жутко. Но страха не было. Было только презрение.

Он не доел котлету. Он вообще больше не притронулся к еде. Резко развернувшись, он схватил свой поднос и пошел к окну мойки. Он шел дерганой, нервной походкой, совсем не похожей на тот вальяжный шаг, с которым он входил сюда полчаса назад.

Я проводила его взглядом.

— Валя! — крикнула я в кухню.

— Да, Галина Ивановна! — Валя выскочила, вытирая руки, глаза у неё горели восторгом. Она всё видела.

— Мясо — в мой личный сейф. И... — я сделала паузу, глядя на спину уходящего Бориса. — Начинай замешивать тесто. Дрожжевое. Сдобное. На опаре.

— Булочки? — догадалась Валя.

— Они самые. С ванилью. И корицы не желей. Завтра с утра весь административный корпус должен пахнуть так, чтобы у некоторых товарищей, сидящих на диете, желудок к позвоночнику прилип.

— Сделаем, Галочка! — Валя подмигнула. — Устроим им газовую атаку. Ароматическую!

Я взяла в руки сверток с мясом. Он был тяжелым, влажным. Настоящим.

— Силос, значит, — пробормотала я, вспоминая слова Павла. — Ну что ж, Борис Петрович. Вы выбрали свой рацион. Теперь не жалуйтесь, что зубы сводит.

Я посмотрела на часы. Обед заканчивался. Борис возвращался в свой кабинет, где его ждал пустой желудок и отчеты Савельева. А меня ждал вечер пятницы. И впервые за долгое время я подумала не о том, что приготовить мужу, а о том, какое платье надеть. Может быть, то зеленое, бархатное? Оно отлично будет смотреться на фоне огня в камине.

Глава 8

Сверток с мясом, который Павел Егорович так небрежно бросил на стойку раздачи, был тяжелым, как слиток золота, и таким же ценным. Я несла его в свой кабинет, прижимая к груди, и чувствовала через крафтовую бумагу прохладу парной говядины. Для кого-то это был просто кусок еды, но для меня, человека, который тридцать лет воюет с поставщиками за каждый процент жирности и свежести, это был символ. Символ того, что в мире еще остались настоящие вещи. Не суррогаты, не "идентичные натуральным" заменители, а честная, кровавая, живая плоть.

На кухне царило возбуждение, похожее на гул в курятнике, куда случайно забрел породистый бойцовый петух. Поварихи, обычно к этому часу уже уставшие и вялые, сейчас летали между мойкой и плитами с удвоенной энергией.

— Галина Ивановна! — Валя возникла у меня на пути, вытирая мокрые руки о передник. Глаза у неё блестели так, будто она сама только что выиграла в лотерею. — Ну скажите, вы поедете? В пятницу? Кабанчик-то... это ж не просто так. Это, считай, официальное приглашение в новую жизнь!

Я остановилась у двери своего кабинета.

— Валя, у тебя бигус дотушился? Или ты решила, что сплетни — лучшая приправа к капусте?

— Да какой бигус, Галочка! — отмахнулась она, понизив голос до заговорщического шепота. — Весь завод видел, как Борис ваш... ну, бывший... чуть вилку не проглотил от злости. А Павел-то! Как он на вас смотрел! Как на крем-брюле, ей-богу.

Я усмехнулась. Сравнение с крем-брюле мне польстило, хотя я, скорее, ощущала себя добротным стейком прожарки медиум — с корочкой, но с огнем внутри.

— Мясо я убрала в сейф, — сказала я громко, чтобы слышали и Леночка, и посудомойка тетя Шура. — Это стратегический резерв. А про пятницу... Поживем — увидим. У нас сейчас задача поважнее. Послеобеденная уборка и подготовка к завтрашнему дню.

Я скрылась в кабинете, плотно прикрыв дверь, чтобы отсечь гул голосов. Здесь, в моем маленьком царстве, пахло бумагой, сушеным лавровым листом и моим любимым кремом для рук. Я бережно развернула бумагу. Вырезка была совершенной. Темно-рубиновая, бархатистая. Я переложила её в свой личный небольшой холодильник, который стоял под столом. Там, рядом с бутылкой кефира и баночкой меда, этот кусок выглядел как корона Российской Империи в сельпо.

Борис.

Я подошла к окну. Мой кабинет находился на первом этаже, но цоколь был высоким, поэтому я могла видеть парковку перед административным корпусом как на ладони. Но-

ябрьский день в Нефтегорске короток: небо уже наливалось свинцовой синевой, ветер гнал по асфальту сухие листья и обрывки полиэтилена. Унылый пейзаж. Идеальная декорация для драмы абсурда, в которую превратилась моя жизнь.

К парадному входу подкатила машина. Не наши заводские «Лады» и не старые «Тойоты» среднего звена. Это была белая, хищная «Тесла», чистая до неприличия на фоне заводской грязи.

Жанна.

Я узнала её машину сразу. Борис пару раз проговаривался, что «новый менеджер по кадрам ездит на такой тачке, что директору впору завидовать». Папина дочка? Или кредитная рабыня успешного успеха? Теперь это не имело значения. Теперь это была карета скорой помощи для моего голодающего мужа.

Дверь административного корпуса открылась. На крыльцо вышел Борис.

Даже отсюда, через двойной стеклопакет и пятьдесят метров серого пространства, я видела, как он ссутулился. Пиджак, который утром сидел на нем как влитой, теперь казался мешковатым, словно Борис за эти полдня действительно «сдулся», выпустив весь воздух самоуверенности. Он зябко поёжился, поднял воротник. Ветер трепал его редкие волосы, но он не обращал внимания. Его взгляд был прикован к белому автомобилю.

Жанна вышла из машины. На ней было светлое пальто —

безумие для промзоны — и огромные солнцезащитные очки, хотя солнца в нашем городе не видели уже недели две. В руках она держала не корзинку с пирожками, не термосумку с горячим обедом. Она держала высокий прозрачный стакан с трубочкой и какой-то маленький пластиковый контейнер.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Мне нужно было это видеть.

Борис спустился к ней почти бегом. Так бежит собака, которую забыли покормить утром, и вот, наконец, хозяин вернулся. Он не обнял её. Он сразу протянул руку к стакану.

Жанна что-то сказала ему, улыбаясь своей фирменной, «просветленной» улыбкой, и передала «еду».

Я прищурилась. Содержимое стакана было густого, болотно-зеленого цвета. Цвета застоявшейся воды в пожарном пруду. Цвета тоски. Цвета плесени.

Смузи.

Я знала этот рецепт. Борис как-то, еще до своего ухода, пытался прочесть мне лекцию о пользе хлорофилла. Сырой шпинат, стебель сельдерея, спирулина (водоросли, по-нашему — тина), вода и, возможно, половинка зеленого яблока для кислинки. Ни грамма жира. Ни калории тепла. Холодная, склизкая масса, которая должна «питать клетки», но при этом вгоняет желудок в депрессию.

Борис поднес трубочку к губам. Я видела, как дернулось его горло. Он сделал первый глоток. Большой, жадный — голод не тетка, голод плевать хотел на эстетику дегустации.

Его лицо скривилось. Даже на расстоянии я читала эту гримасу: смесь отвращения, разочарования и физической боли от того, что в пустой, продроженный желудок упал комок ледяной жижи.

Жанна, судя по жестам, подбадривала его. Она похлопала его по плечу, потом коснулась пальцем его солнечного сплетения — видимо, указывала, где именно сейчас должна открыться чакра насыщения. Борис кивал, давился, но пил.

Это было жалкое зрелище. Мужчина, который еще вчера ел утку с яблоками, сегодня стоял на ветру, на грязной парковке, и сосал через трубочку жидкое болото, только бы доказать самому себе, что он счастлив.

— Пей, Боря, пей, — прошептала я, и дыхание затуманило стекло. — Витамины — это сила. Особенно когда ими пытаются заменить совесть.

Он допил. Жанна передала ему контейнер. Там лежало что-то маленькое и серое. Хлебцы из пророщенного зерна? Сушеные сверчки? Я не знала, и знать не хотела. Борис сунул контейнер в карман, словно стесняясь его.

Они поговорили еще минуту. Жанна села в машину, махнув ему рукой. Белая «Тесла» развернулась практически бесшумно, лишь шурша шинами по асфальту, и стремительно уехала, увозя свою хозяйку в мир чистых энергий. А Борис остался стоять. Один. Голодный. С тяжестью зеленой жижи в животе.

Он поднял голову и посмотрел на окна столовой. Я ин-

стинктивно отшатнулась за штору, хотя он вряд ли мог меня видеть. Но я чувствовала его взгляд. Это был взгляд побитого пса, который знает, где стоит миска с теплой кашей, но знает также, что дверь заперта.

Я отошла от окна. Жалость, которая на секунду кольнула сердце при виде его перекошенного лица, испарилась. Он сам выбрал это меню. Он сам назвал мою заботу «цепи». Ну что ж, наслаждайся свободой, дорогой. Свобода на вкус оказалась горькой и тинистой.

Но этого было мало.

Просто смотреть, как он давится смузи — это пассивная позиция. А я — заведующая производством. Я привыкла действовать. Если Жанна атакует его рецепторы «пользой», я должна нанести ответный удар. Удар такой силы, чтобы он пробил даже его заблокированные «очищением» мозги.

Я вышла из кабинета.

— Валя! — мой голос прозвучал как команда к построению.

Валентина, которая как раз допивала чай с Леночкой, подскочила.

— Тут я, Галина Ивановна! Что случилось? Мясо пропало?

— Мясо на месте. Совесть у некоторых пропала, — я подошла к столу, где лежал график меню на неделю. — Валя, планы меняются. «Месяц домашней выпечки» мы начинаем

не завтра. Мы начинаем его подготовку прямо сейчас.

— Сейчас? — Валя глянула на часы. — Так смена через два часа заканчивается. Мы же только опару успеем поставить.

— Именно, — я хищно улыбнулась. — Мы поставим опару. Много опары. На живых дрожжах, на теплом молоке. И мне нужно, чтобы ты нашла Петровича.

— Сантехника? — удивилась Лена.

— Его самого. Пусть возьмет стремянку и снимет угольные фильтры с вытяжки пекарского цеха.

Повисла тишина. Повара переглянулись. Снять фильтры — это значит нарушить регламент. Обычно мы тщательно следили, чтобы запахи кухни не проникали в административный корпус, который был пристроен к столовой буквой «Г». Окна логистики и бухгалтерии выходили как раз во внутренний двор, куда выдувала воздух наша мощная промышленная вентиляция.

— Галина Ивановна... — протянула Валя, и в её глазах начало разгораться понимание. — Так ведь если фильтры снять... Там же, на втором этаже, задохнутся.

— Не задохнутся, — поправила я. — А вдохнутся. Ты представляешь, Валя, что будет, если пятьдесят килограммов сдобного теста начнут подходить, а потом печься, и весь этот дух пойдет напрямиком в открытые форточки отдела логистики?

Леночка хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

— Ой, мамочки... Это же жестоко.

— Жестоко — это кормить мужика сырым шпинатом в ноябре, — отрезала я. — А мы дарим людям радость. Аромат уюта. Запах детства. Ваниль, корица, сливочное масло. Пусть нюхают. Пусть их документы пахнут булочками. Пусть они сидят над своими отчетами и сходят с ума от слюноотделения.

Валя расплылась в широкой улыбке.

— Поняла, Галочка. Сделаем в лучшем виде. Петрович за бутылку... тьфу, за пирог с рыбой хоть всю вентиляцию разберет.

— Вот и отлично. Доставай ванилин. Тот, что в ампулах, концентрированный. И корицу не жалея. Завтра с утра у Бориса Петровича будет не планерка, а сеанс ароматерапии.

Вечер опустился на завод. Смены поменялись, гул в цехах стал тише, глуше. На кухне мы остались вдвоем с Валея. Основной свет погасили, горели только дежурные лампы над пекарским участком.

Здесь было тепло и тихо. Это было сердце моей крепости. Огромные дежи — чаны из нержавейки на колесиках — стояли в ряд, накрытые чистыми полотенцами. Внутри них происходило таинство.

Я подошла к первой деже. Подняла край полотенца. Теп-

лая, живая масса дышала. Пузырьки лопались с тихим, чмокающим звуком, выпуская на волю дух дрожжей и сладкого молока. Опара поднималась. Она росла, наливаясь силой, обещая стать завтра пышными, румяными булками.

Я взяла банку с ванилином. Настоящим, кристаллическим, запах которого въедается в кожу на сутки.

— Ну что, Боря, — прошептала я, рассыпая белый порошок в будущую сдобу. — Ты хотел «воздуха»? Ты хотел дышать полной грудью? Завтра ты надышишься.

Я представила его лицо. Как он придет завтра на работу, голодный после очередного «ужина» у Жанны (я не сомневалась, что там его ждут не пельмени). Как он войдет в свой кабинет. И как этот запах — густой, сладкий, маслянистый, запах, который пробивает любую защиту, — ударит его в нос.

Запах дома, которого у него больше нет.

Запах заботы, которую он предал.

Запах счастья, которое он променял на зеленую жижу.

— Валь, — окликнула я подругу, которая возилась с мешком муки. — Корицу в начинку будем сыпать с сахаром один к одному. Чтобы карамелизовалась. Чтобы аж горчило от сладости.

— Сделаем, Галина Ивановна! — отозвалась та из темноты. — Это будет не булка, это будет бомба.

Я опустила полотенце.

— Вот именно. Атомная ванильная бомба.

Я сняла колпак, распустила волосы. Голова немного гудела от напряжения этого бесконечного дня. Но внутри было спокойно. Я сделала всё правильно. Я не истерила, не бегала за ним, не умоляла вернуться. Я просто делала свою работу.

И завтра моя работа станет его персональным адом.

Я вышла через заднюю дверь на улицу. Морозный воздух обжег щеки. Где-то там, в городе, Борис сейчас, наверное, пытается убедить свой желудок, что смузи — это вкусно. А здесь, за стенами завода, зрела моя месть. Теплая, мягкая и невероятно аппетитная.

— Спокойной ночи, тесто, — сказала я, запирая тяжелую дверь. — Расти большим. Завтра у тебя важная миссия.

Глава 9 (Борис)

от лица Бориса

Лифт в элитном жилом комплексе «Лазурный» поднимался на восемнадцатый этаж с такой плавностью, что это даже раздражало. Мне, человеку привыкшему к рывкам и гулу старых заводских подъемников, эта бесшумная невесомость казалась подозрительной. Словно меня не домой везли, а в вакуумную камеру для окончательной консервации.

Я прислонился лбом к холодному зеркалу кабины. В отражении на меня смотрел мужчина, которого я с трудом узнавал. Нет, костюм был тот же — темно-серый, шерстяной, статусный. Но вот лицо... Под глазами залегли тени, цвет кожи приобрел странный землистый оттенок, а щеки впали, словно я провел неделю в пустыне, питаясь саранчой.

— Это детокс, Борис, — пробормотал я своему отражению, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Организм перестраивается. Шлаки выходят.

Желудок в ответ на эти слова скрутило спазмом такой силы, что я согнулся пополам. Это был не просто голод. Это была черная дыра, образовавшаяся где-то в районе солнечного сплетения, которая засасывала в себя мои последние силы, остатки хорошего настроения и здравый смысл.

Зеленый смузи, который Жанна привезла мне в обед, дав-

но испарился, оставив после себя лишь привкус тины и изжогу. Котлета «Изделие № 2», которую я так и не смог до-есть в столовой, теперь являлась мне в галлюцинациях как недостижимый идеал кулинарного искусства. Я жалел, что не завернул её в салфетку. Я бы съел её сейчас прямо здесь, в лифте, холодной, вместе с хлебом и хрящиками.

Двери разъехались. Я шагнул в стерильный коридор.

На пороге квартиры Жанны меня встретил не запах жареной картошки с луком, не аромат тушеного мяса, который обычно висел в подъезде нашего с Галей дома по вечерам. Меня встретило густое, душное облако сандала.

Жанна жгла благовония.

Я вошел, стараясь не шуметь. В квартире царил полумрак. Единственным источником света были дизайнерские светильники, разбросанные по полу, напоминающие светящиеся яйца динозавров.

— Борис? — её голос прозвучал откуда-то из глубины гостиной. — Тише, пожалуйста. Я восстанавливаю ауру после общения с налоговой. У них там такая плотная, липкая энергетика... мне пришлось полчаса стоять под контрастным душем.

Я снял туфли. Ноги гудели. Я мечтал о том, чтобы сесть за стол, взять ложку и погрузить её во что-то горячее, густое, сытное.

— Привет, — я прошел в комнату.

Жанна сидела на белом пушистом ковре в позе лотоса. На

ней была шелковая пижама цвета шампанского, волосы собраны в небрежный пучок. Она выглядела как ангел. Ангел, который питается нектаром и не знает, что такое работать в отделе логистики с восьми до пяти.

— Ты голоден? — спросила она, не открывая глаз.

Это был самый прекрасный вопрос, который я слышал за этот бесконечный понедельник.

— Жанночка, — я почти простонал, опускаясь в кресло-мешок (единственное место в этом доме, которое принимало форму человеческого тела). — Я не просто голоден. Я готов съесть слона.

Она открыла один глаз и посмотрела на меня с легкой укоризной.

— Слон — это тяжелая карма, Борис. Мы не едим млекопитающих. Они испытывают страх перед смертью, и этот страх оседает в твоих сосудах бляшками.

— Хорошо, не слона, — я поспешно согласился. — Просто... ужин. Что у нас на ужин?

— Я приготовила тебе боул, — она грациозно поднялась, её суставы даже не хрустнули. — Идем. Но помни: после заката огонь пищеварения слабеет. Нам нельзя его заливать тяжелым топливом. Только щепки для поддержания тепла.

Я поплелся за ней на кухню. «Боул». Слово звучало кругло и обещающе. Может быть, там рис? Фасоль? Авокадо?

Жанна достала из холодильника (который, как я успел за-

метить, был пугающе пустым и освещался синим диодным светом, как морг) глубокую миску. Поставила передо мной.

Я посмотрел вниз.

В миске лежала горка чего-то серо-зеленого, влажного, с маленькими белыми хвостиками. Рядом были разложены прозрачные, как бумага, кружочки чего-то белого. И всё.

— Что это? — спросил я, чувствуя, как надежда умирает во мне с тихим всхлипом.

— Пророщенная зеленая гречка, — с гордостью объявила Жанна. — Я замочила её еще утром. Она живая, Борис. В каждом зернышке — энергия роста. А это — дайкон. Он выводит слизь.

— Гречка? — я взял вилку. — Сырая?

— Она не сырая, она активированная. Термическая обработка убивает энзимы. Ешь. Это чистый белок.

Я подцепил склизкую массу. Она пахла сыростью подвала. Я отправил ложку в рот.

Вкуса не было. Точнее, был вкус мокрой крупы, смешанный с чем-то землистым. Я начал жевать. Зерна были твердыми, они скрипели на зубах, как мелкий гравий.

— Соли бы... — пробормотал я. — Или масла каплю.

Жанна, которая в это время нарезала себе половинку зеленого яблока, замерла с ножом в руке.

— Борис! Мы же говорили. Соль — это белый яд. Она задерживает воду. Ты хочешь проснуться завтра с лицом, похожим на подушку? У тебя и так отечный тип старения. Мы

должны высушить тебя, сделать рельефным.

— Но это же невозможно есть! — вырвалось у меня. — Это как... как корм для попугаев!

— Это еда для осознанных людей, — Жанна посмотрела на меня холодно. — Твои рецепторы забиты глутаматом и жареным жиром. Дай им время очиститься. Через неделю ты начнешь чувствовать сладковатый привкус самой жизни в этом зерне.

Я жевал. Я глотал этот «гравий», чувствуя, как он падает в пустой желудок холодным комком. Дайкон оказался горьким и жестким.

Я съел три ложки. Больше не смог. Физически. Моё горло сжалось, отказываясь пропускать «живую энергию» внутрь.

— Наелся? — спросила Жанна, увидев, что я отложил вилку. — Вот видишь. Организму нужно совсем немного, если еда качественная. А ты привык набивать брюхо балластом.

Я кивнул. Спорить сил не было. Голод не ушел, он просто затаился, удивленный тем, какой гадостью его пытаются обмануть.

— А теперь, — Жанна хлопнула в ладоши, — пока идет процесс усвоения, нам нужно заняться практикой. Твоя корневая чakra, Муладхара, сегодня вибрирует очень тревожно. Я чувствовала это даже на расстоянии. Ты нервничал?

— Немного, — буркнул я, вспоминая позор в столовой и взгляд Павла, который смотрел на меня как на пустое место.

— Вот. Стресс блокирует таз. Идем на коврик. Нам нужна «Собака мордой вниз» и глубокое дыхание уджайи.

Мы вернулись в гостиную. Жанна расстелила два коврика. Один розовый, другой — темно-серый, «мужской».

— Вставай, — командовала она. — Ноги на ширине плеч, ладони в пол. Копчик тянем в небо. Шею расслабить. Дышим животом.

Я, кряхтя, принял позу. Костюм я снял, оставшись в футболке и домашних штанах, но живот (тот самый, который Галя «наела» мне за тридцать лет) предательски мешал сложиться пополам. Кровь прилила к голове. В висках застучало.

— Тянись, Борис! — командовала Жанна, прохаживаясь вокруг меня, как сержант в армии спасения. — Пятки в пол! Выпрями колени! Ты деревянный, как Буратино!

Я старался. Честно. Я тянул этот чертов копчик в небо. Я дышал, как паровоз.

И тут это случилось.

В тишине квартиры, нарушаемой лишь медитативной музыкой из колонки (звон ручьев и пение птиц), раздался звук. Громкий. Протяжный. Булькающий. Словно в старом водопроводе прорвало трубу.

Это был мой желудок.

Он взревел, возмущенный позой, в которой гречка перекатилась куда-то не туда. Звук был таким мощным, что, казалось, вибрировал пол.

— Ур-р-р-р-гх-х-х-люп! — сказало мое нутро.

Я покраснел так, что уши, наверное, засветились в темноте. Я уткнулся лицом в коврик, желая провалиться сквозь бетонные перекрытия прямо в подвал, к крысам.

— О... — протянула Жанна. Она не засмеялась. Её голос звучал серьезно и даже торжественно. — Слышишь? Это великолепно, Борис!

— Что великолепно? — прохрипел я снизу. — Что я сейчас умру от стыда?

— Глупый, — она коснулась моей поясницы. — Это не стыд. Это блоки выходят! Твоя манипура-чakra разблокировалась. Энергия, которая годами застаивалась в кишечнике, наконец-то нашла выход. Звук — это вибрация освобождения! Выпускай его! Не держи! Рычи своим нутром!

— Жанна, это не чakra, — я выпрямился, стоя на четвереньках. Голова кружилась. — Это голод. Я просто хочу жрать. Нормальной, человеческой еды.

Она посмотрела на меня с жалостью, как на больного ребенка, который просит конфету вместо горького лекарства.

— Ты путаешь голод с эмоциональной зависимостью. Твой желудок полон гречки. Ему есть чем заняться. А вот твой ум паникует, потому что лишился дофаминовой соски. Дыши. Просто дыши.

Следующий час прошел в аду. Мы стояли в планке (мои руки тряслись мелкой дробью). Мы дышали «огненным дыханием» (меня чуть не вырвало желчью). Мы делали

«скрутки», чтобы выжать токсины из печени.

К десяти вечера я был мокрым, злым и настолько обессиленным, что у меня двоилось в глазах.

— Молодец, — Жанна поцеловала меня в потный лоб. — Для первого раза неплохо. Теперь душ — и спать. Во сне происходит регенерация.

Она ушла в ванную. Я слышал шум воды, потом жужжание какой-то электрической щетки для лица.

Я остался один в темной гостиной.

Тишина. И пустота.

Я встал и на цыпочках, как вор, пошел на кухню. Пол был холодным. Я крался к шкафам, чувствуя себя преступником.

«Ну должно же быть хоть что-то, — лихорадочно думал я. — Печенье для гостей? Старые сухари? Пачка макарон на черный день?»

Я открыл первый навесной шкаф.

Баночки. Стекло. Красивые этикетки, написанные рукой Жанны.

«Семена чиа». «Киноа». «Спирулина». «Ягоды годжи». «Псиллиум» (что это, черт возьми, такое?!).

Я открыл второй шкаф.

Пустые контейнеры. Блендер. Соковыжималка.

Я выдвинул ящик.

Вилки. Ложки. Ножи.

Ни крошки хлеба. Ни одной, даже самой заваливающейся, конфеты «Коровка». Никаких запасов. Этот дом был стерилизован, как операционная. Здесь еду не хранили — её, видимо, материализовывали силой мысли перед употреблением.

Я открыл холодильник.

Свет ударил в глаза. На полке сиротливо лежал недоеденный стебель сельдерея, похожий на кость какого-то зеленого животного. Рядом стояла банка с кокосовым маслом. И куча тюбиков с кремами, масками и патчами.

Патчи есть нельзя. Я проверил.

В отчаянии я снова полез в верхний шкаф, в самый дальний угол. Рука наткнулась на шуршащий пакет. Сердце подпрыгнуло. Неужели?

Я вытащил находку.

«Хлебцы цельнозерновые. Без муки, без дрожжей, без соли. Вкус картона». (Ладно, про картон я придумал, но на вид это было именно так).

Я разорвал упаковку. Достал серый, легкий прямоугольник, похожий на кусок пенопласта.

Поднес ко рту. Укусил.

ХРУСТЬ!

Звук в ночной тишине прозвучал как выстрел из пистолета. Я замер, прижав хлебец к груди, вытаращив глаза в сторону ванной. Вода там всё еще шумела.

Я начал жевать, стараясь делать это беззвучно. Получалось плохо. Хлебец прилипал к небу, царапал десны и был абсолютно, чудовищно безвкусным. Это было похоже на жевание прессованных опилок. Но это было что-то твердое. Что-то, что можно было проглотить.

Я съел два хлебца, запивая их водой из-под крана (фильтр слишком долго цедил). Желудок принял подачку с недоверием, но замолчал.

Я подошел к окну. Восемнадцатый этаж. Город лежал внизу, расчерченный желтыми линиями дорог.

Где-то там, в районе старых пятиэтажек, в моем бывшем доме, сейчас темно. Галя, наверное, спит. Или читает книгу.

Внезапно, без всякого предупреждения, перед глазами всплыла картина. Наша кухня. Сковорода. Чугунная, черная, тяжелая. На ней шкварчит картошка. Нарезанная брусочками, с золотистой, подгоревшей корочкой. С луком. И сверху посыпана укропом. Рядом стоит тарелка с солеными огурцами — маленькими, пупырчатыми, хрустящими. И кусок черного бородинского хлеба с салом.

Господи...

Рот наполнился слюной так быстро, что я поперхнулся. Я почувствовал этот запах — запах жареного масла и чеснока. Он был настолько реальным, что я оглянулся, ожидая уви-

деть Галю с половником.

Но сзади была только белая, холодная кухня Жанны.

«Я не вернусь, — зло подумал я, глядя на свое отражение в темном стекле. — Не дождешься, Галина. Я не сдамся из-за куса картошки. Это просто привычка. Наркоманская ломка. Я перетерплю. Завтра будет легче».

В стекле отражался немолодой, усталый мужчина с крошками отрубей на губах. Он выглядел жалким. Но я отогнал эту мысль.

— Я становлюсь лучше, — прошептал я. — Я становлюсь легче.

— Борис? — Жанна вышла из ванной, благоухая лавандой и чем-то травяным. Её лицо блестело от масла. — Ты чего в темноте стоишь? Иди спать. Нам нужно встать в пять тридцать, чтобы поприветствовать солнце.

— Иду, — ответил я.

Я поплелся в спальню. Лег на жесткий матрас. Жанна тут же обняла меня, положив голову мне на плечо. Она была тонкой, хрупкой. Но мне почему-то было холодно рядом с ней. Не хватало того тепла, которое исходило от Гали — тепла большой, мягкой печки.

«Завтра, — думал я, глядя в потолок и слушая, как урчит мой несчастный, обманутый живот. — Завтра я куплю беляш. У метро. У той бабки, что торгует с тележки. Жирный, жареный беляш с мясом. Съем его в машине, пока еду на работу. Жанна не узнает. Никто не узнает».

Эта мысль согрела меня лучше любого одеяла. С мечтой о беляше я, наконец, провалился в беспокойный, голодный сон.

Я не знал, что завтра утром меня ждет испытание, по сравнению с которым сегодняшний день покажется детским утренником. Я не знал, что Галина Ивановна уже зарядила свои пушки ванилином. И что мой обостренный голодом нух станет моим главным врагом.

Глава 10

В шесть утра пекарский цех завода «ТяжМаш» напоминал секретную лабораторию по производству счастья. Здесь не было лязга металла и визга дрелей, как в основных цехах. Здесь царил мягкий, обволакивающий гул ротационных печей и тихий шелест, с которым оседала мучная пыль в лучах ламп дневного света.

Я стояла у огромного стола из нержавеющей стали, чувствуя себя полководцем перед решающей битвой. Передо мной дышало тесто. Опара, которую я поставила вчера вечером, впитала в себя силу живых дрожжей и теперь рвалась наружу из дежей, пузырясь и благоухая той особой, кисловато-молочной свежестью, от которой у любого нормального человека невольно теплеет на душе.

— Галина Ивановна, — Валя подошла ко мне, держа в руках миску с чесночной заправкой. — Вы уверены, что нам нужно столько чеснока? Если фильтры сняты, там же на втором этаже глаза резать начнет.

Я макнула мизинец в миску. Масло, укроп, крупная соль и чеснок — ядреный, злой, зимний.

— Не начнет, Валя. Это не слезоточивый газ. Это аромат родины. Аромат борща, уюта и сытого желудка. Того самого, чего наши офисные работники лишены в своих евроремонтах.

Мы работали в две руки. Это была симфония на два голоса: сладкий и соленый.

На правых противнях мы раскладывали синнабоны. Я не жалела сливочного масла. Я размазывала его по раскатанному тесту щедрой рукой, сверху сыпала сахар, смешанный с корицей в пропорции один к одному. Корица была темной, бархатистой, пахнувшей Рождеством и теплым пледом. Когда такая булка попадает в печь, сахар карамелизуется, превращаясь в тягучую, янтарную лаву. А сверху мы зальем их сметанной помадкой с той самой концентрированной ванилью, накладную на которую я уже положила в папку.

На левых противнях зрели пампушки. Круглые, плотные шарики теста, которые через двадцать минут в печи станут золотистыми и глянцевыми. Как только мы их достанем, мы щедро, от души смажем их чесночным маслом. Горячее тесто впитает этот дух мгновенно, и он станет запахом-убийцей. Запахом, который пробивает любые двери, любые фильтры и любую, даже самую железную силу воли.

— Петрович точно всё сделал? — спросила я, отправляя первую тележку в печь.

— Обижаете, Галина Ивановна! — хмыкнула Валя, вытирая пот со лба. — Он за ваш рыбный пирог не то что фильтры снимет, он вентилятор вручную крутить будет, если электричество отключат. Заслонки открыты на полную. Прямой наводкой на административный корпус.

Я посмотрела на часы. Семь тридцать.

В восемь утра в административном корпусе начинается жизнь. Секретарши включают кофемашины, бухгалтерия раскладывает пасьянсы, логисты — в том числе и мой бывший муж — садятся за свои мониторы.

В восемь пятнадцать первая партия выпечки будет готова. И мощные промышленные вентиляторы погонят горячий, насыщенный эфирными маслами воздух по жестяным трубам. Прямо в их открытые для проветривания форточки. Прямо в их легкие.

— Ну, с богом, — сказала я, закрывая заслонку печи. — Поехали.

К девяти утра завод изменился.

Обычно в это время в коридорах пахнет старой бумагой, остывшим кофе и пылью. Но сегодня «ТяжМаш» пах как огромная бабушкина кухня в преддверии Пасхи.

Запах не просто висел в воздухе — он был плотным, почти осязаемым. Сладкая ванильная волна накатывала первой, расслабляя и вызывая слюноотделение. За ней следовал резкий, дерзкий удар чеснока и горячего хлеба, который бил под дых, пробуждая звериный голод.

Я взяла папку с документами. Накладные на муку, специи и тот самый ванилин. Мне нужно было подписать их у заместителя директора по снабжению. Его кабинет находился в

том же крыле, что и отдел логистики. Очень удобно.

Я вышла из столовой.

Переход между корпусами представлял собой длинный застекленный коридор. Обычно здесь было холодно и сквозило, но сегодня даже сквозняк, казалось, нес на своих крыльях молекулы сдобы.

Навстречу мне попалась Людочка из бухгалтерии. Она шла с чашкой в руках, вид у неё был потерянный.

— Галина Ивановна! — она схватила меня за рукав. — Что происходит? Откуда этот запах? Мы там с ума сходим! Я годовой отчет свести не могу, у меня цифры в голове в кренделя сворачиваются!

Я улыбнулась своей самой профессиональной, «заведующей» улыбкой.

— Месяц домашней выпечки, Людочка. По заявкам трудящихся. В буфете уже выложили первую партию. Синнабонны с корицей и пампушки с чесноком. Горячие.

У Людочки расширились зрачки.

— С корицей... — прошептала она как замороженная. — Я сейчас. Я только... отчет... к черту отчет!

Она развернулась и почти побежала в сторону столовой.

Я продолжила путь. Чем ближе я подходила к отделу логистики, тем гуще становился аромат. Петрович постарал-

ся на славу. Вентиляционная шахта выходила во внутренний дворик аккуратно под окнами второго этажа, и, судя по всему, законы физики (теплый воздух поднимается вверх) работали безупречно.

В коридоре второго этажа было тихо, но это была тишина напряжения. Двери кабинетов были приоткрыты. Люди выходили в коридор, принохивались, переглядывались с глупыми, мечтательными улыбками.

Я поправила китель. Сегодня я не стала переодеваться в «гражданское». Я осталась в своей белоснежной форме, в высоком колпаке. Я была здесь не посетителем. Я была источником этого безумия. Ходячей рекламой калорий.

Я подошла к двери с табличкой «Начальник отдела логистики Б.П. Котов».

За дверью было тихо. Ни звука клавиатуры, ни голоса Бориса, распекающего подчиненных по телефону. Я представила его там, внутри.

Вчера он давился зеленым смузи. Вечером, если верить его голодному взгляду и законам жанра, Жанна кормила его чем-то вроде пророщенного овса. Сейчас его организм должен быть на грани истерики.

И тут в эту стерильную пустоту врывается запах.

Запах, который он знал тридцать лет.

Запах, который означал: «Боря, ты дома. Боря, тебя любят. Боря, сейчас будет вкусно».

Я не стала стучать. Я просто остановилась рядом с дверью, делая вид, что изучаю документы в папке.

Секунда. Две.

Дверь распахнулась. Не открылась — именно распахнулась, словно человек за ней не мог больше терпеть запертого пространства.

На пороге стоял Борис.

Я едва сдержала победную ухмылку. За сутки «новой жизни» он изменился разительно. Нет, он не похудел на десять килограммов — физиология так быстро не работает. Но он осунулся. Лицо приобрело тот серый, пергаментный оттенок, который бывает у людей во время жесткого поста или болезни. Под глазами залегли тени. А взгляд...

Его взгляд был расфокусированным. Он смотрел не на меня, не на стены. Он смотрел в пространство, втягивая носом воздух. Его ноздри трепетали.

В руке он сжимал пластиковую бутылку с водой. На этикетке было написано «Родниковая, обогащенная кислородом». Жанна, видимо, снабдила. Он держался за эту бутылку как за распятие, пытаясь отогнать демонов чревоугодия.

Он сделал шаг в коридор, словно зомби. Повернул голову налево, туда, где в конце коридора была лестница в столовую. Потом направо. И наконец увидел меня.

Мы стояли в двух шагах друг от друга.

Я — в сияющем белом, пахнущая ванилью так сильно, что это должно было быть запрещено Женевской конвенцией.

И он — в своем дорогом, но уже чуть помятом костюме, пахнущий водой и тоской.

— Галя? — его голос был хриплым, надтреснутым.

Он моргнул, словно пытаясь отогнать мираж.

— Доброе утро, Борис Петрович, — звонко произнесла я.
— Работаете? А я вот накладные несу подписывать. Снабжение требует вашу визу на транспортные расходы.

Он не слушал. Он смотрел на меня, потом перевел взгляд на папку, потом снова мне в лицо. Он втянул носом воздух — громко, жадно.

— Чем это... — он сглотнул, и кадык судорожно дернулся.
— Чем это пахнет, Галя? Это... чеснок? Укроп?

В его голосе звучала такая надежда, смешанная с болью, что у меня внутри шевельнулось что-то похожее на жалость. Но я тут же вспомнила его вчерашнее лицо, когда он пил свою зеленую жижу на парковке. Вспомнила «холестериновую бомбу».

— А, это... — я небрежно махнула рукой. — Да так, мелочи. У нас «Месяц домашней выпечки» стартовал. Пампушки с чесноком, только из печи. И синнабоны. Знаешь, такие улитки с корицей, залитые сливочным кремом? Тесто — пух, во рту тает.

Борис качнулся вперед. Непроизвольно. Как будто невидимая веревка потянула его к моему кителю.

— С корицей... — прошептала он. — Ты же... ты же их только по воскресеньям пекла.

— Времена меняются, Борис Петрович. Теперь у нас каждый день — праздник. Рабочим нужны калории. Они металл лют, им энергия нужна. Настоящая, а не из сельдеря.

Я увидела, как его взгляд упал на мой карман. Там лежал маленький бумажный пакетик с ванильным сахаром — я специально положила его туда открытым.

— Пахнет... — он провел рукой по лицу, словно стирая паутину. — Господи, как пахнет. У меня в кабинете... я окно открыть не могу, там еще хуже. Там прямо... накрывает.

— Вентиляция, — я пожала плечами. — Старая система, что поделаешь. Роза ветров.

Борис посмотрел на бутылку с водой в своей руке. Потом на меня. В его глазах читалась борьба. Страшная борьба между идеологией Жанны («мы — свет») и инстинктом нормального мужика («я хочу жрать»).

— Галь, — он понизил голос, оглядываясь по сторонам. — А... осталось что-нибудь? Ну, там... на пробу? Для проверки качества?

Вот он. Момент истины. «Легкий» человек просит булку. Я открыла папку. Щелкнула металлическим зажимом. Звук прозвучал как выстрел.

— Пробы, Борис Петрович, снимает бракеражная комис-

сия. А вы у нас теперь на особом режиме. Чистое питание, высокие вибрации. Негоже вам забивать чакры дрожжевым тестом. Жанна не одобрит.

Я протянула ему лист бумаги.

— Подпишите накладную.

— На что? — тупо спросил он.

— На ванилин. И на чеснок. Пятьдесят килограммов. Видите?

Он взял ручку. Его пальцы дрожали. Он смотрел на строчки: «Ванилин кристаллический», «Чеснок свежий». Бумага, пролежавшая в моем кабинете полчаса, тоже пахла. Она пахла тем самым запахом, от которого у него сводило скулы.

Он наклонился, чтобы подписать. Я стояла так близко, что он, наверное, чувствовал тепло моего тела.

— Подписывай, Боря, — тихо сказала я. — Не задерживай производство. Люди ждут булок.

Он черкнул свою закорючку. Криво, с нажимом, чуть не порвав бумагу.

Отдал мне лист. И вдруг, неожиданно для себя самого, схватил меня за запястье.

— Галя... — в его глазах стояли слезы. Настоящие, голодные слезы. — У меня там, дома... у Жанны... там даже соли нет. Ты понимаешь? Там нет соли.

Я мягко, но решительно высвободила руку.

— Это не мой дом, Борис Петрович. И не моя соль. Вы свой выбор сделали. Вы хотели летать. Вот и летайте. А балласт в виде пампушек оставьте нам, земным людям.

Я захлопнула папку.

— Понюхал? — спросила я жестко. — Вкусно? А теперь иди пей свою воду, Боря. Свобода пахнет не сдобой. Свобода пахнет озоном, ты же сам говорил. Не предавай свои идеалы ради куска теста.

Я развернулась на каблуках. Белый китель взметнулся. Я пошла обратно по коридору, оставляя за собой шлейф победительницы.

Спиной я чувствовала, как он смотрит мне вслед. Он не ушел в кабинет. Он стоял там, в коридоре, вдыхая этот запах, как токсикоман клей.

Навстречу мне попался начальник транспортного цеха.

— Галина Ивановна! — он расплылся в улыбке. — Ну вы даете! У меня водители отказываются в рейс выходить, пока булок не купят. Говорят, запах такой, что мотор глохнет!

— Всем хватит, — бросила я на ходу. — Заходите, угощаю.

Я вернулась в столовую.

У раздачи творилось что-то невообразимое. Очередь змеилась до самой двери. Офисные работницы, забыв про дие-

ты, купали синнабоны по три штуки. Мужики из цехов брали пампушки горами.

Валя, красная, но счастливая, металась между печью и прилавком.

— Галина Ивановна! — крикнула она сквозь шум. — Первую партию смели за десять минут! Ставим вторую?

Я подошла к пустому противню, на котором остались только капли сахарной глазури и крошки чеснока.

— Ставь, Валя. Ставь двойную порцию.

Я посмотрела на вентиляционную решетку под потолком. Лопасты вентилятора вращались, исправно гоня воздух в сторону администрации.

Война началась. И мое оружие было самым гуманным в мире — я убивала их любовью к еде.

А Борис... Борис сегодня проведет в своем кабинете самый длинный день в своей жизни. День, когда каждый вдох будет напоминать ему о том, каким идиотом он был.

Я достала из кармана телефон. Павел прислал сообщение: «Кабанчик ждет пятницы. А я жду еще сильнее».

Я улыбнулась и набрала ответ: «Готовьте маринад, Павел Егорович. У меня проснулся зверский аппетит».

В этот момент я была абсолютно, безоговорочно счастлива. И даже легкий укол совести по поводу голодного мужа растворился в аромате свежей корицы. В конце концов, он сам хотел очищения. Вот я и помогаю ему очиститься — от

иллюзий.

Глава 11

Сливочное масло на раскаленной сковороде не просто шипит. Оно поет. Это особый, низкий, бархатистый звук, который на подкорке записан у каждого человека, выросшего в наших широтах, как сигнал абсолютной безопасности. Если пахнет горячим сливочным маслом — значит, войны нет, значит, мама дома, значит, сейчас будет вкусно.

Я стояла у огромной промышленной плиты, и передо мной простиралось море огня и золота.

Среда. Середина недели. Экватор моего маленького крестового похода. Вчерашняя ванильная атака была лишь арт-подготовкой, легкой разминкой для рецепторов. Сдоба — это уют, это баловство. А сегодня я выкатила на передовую тяжелую артиллерию.

Жир. Тот самый, животворящий, румяный, запрещенный всеми фитоняшками мира жир, который дает силы жить, работать и любить.

— Галина Ивановна, — Валя, покрасневшая, с каплями пота на лбу, ловко переворачивала лопаткой пухлые кругляши. — А не слишком мы... того? У меня самой уже слюна течет, сил нет терпеть. Запах такой стоит, что, кажется, даже станки в механическом цеху жевать начнут.

Я взяла кусок масла — настоящего, восемьдесят два и пять процента жирности, желтого, как одуванчик, — и бро-

сила его на соседнюю сковороду, где уже начали схватываться тонкие, ажурные блины.

— Маслом, Валя, кашу не испортишь. А настроение врагу — испортишь запросто.

Сегодня в меню был «Завтрак чемпиона». Сырники из домашнего творога — не сухие шайбы, а нежные, с ванилью и изюмом, обжаренные до темно-золотистой корочки. И блины с мясом. Фарш для них мы обжарили отдельно, с большим количеством лука, до карамельного цвета, добавив туда ложку густой сметаны для связки.

Когда такой блин попадает на сковороду, чтобы подрумяниться с двух сторон, он начинает источать аромат, который пробивает любые стены. Это запах сытости. Запах, который хватает тебя за желудок и скручивает его в тугий узел желания.

— Валя, — скомандовала я, проверяя вытяжку. — Что с ветром?

— Северо-западный, Галочка. Как назло, от администрации дует. Вчерашний фокус с самотеком не пройдет.

Я подошла к окну подсобки. Действительно, серый флаг с логотипом завода, висящий на флагштоке перед заводоуправлением, лениво полоскался в нашу сторону. Природа решила подыграть Борису Петровичу? Ну уж нет. Я — инженер общепита. Я знаю физику лучше, чем некоторые знают камасутру.

— Тащи напольные вентиляторы, — распорядилась я. —

Те, что мы летом в жару в зале ставим. Два штуки.

— Куда их? — удивилась Валя.

— На подоконники. Открывай фрамуги настежь. Поставим вентиляторы спиной к кухне, лицом на улицу. Будем принудительно выдувать всё это счастье во двор. Прямоком под окна второго этажа.

Через десять минут система заработала. Мощные лопасти промышленных вентиляторов подхватили густой, маслянистый, ванильно-мясной дух и мощной струей направили его вверх, к серым стенам административного корпуса. Я видела, как пар вырывается из окон кухни, закручивается вихрем и, повинаясь законам термодинамики и моей злой воле, ползет по кирпичной кладке прямо к закрытому пластиковому окну кабинета начальника логистики.

— Лети, лети, лепесток, — прошептала я, глядя на этот кулинарный циклон. — Через запад на восток. Лишь коснешься ты ноздрей — будь по-моему скорей.

К девяти тридцати утра в столовой, где обычно в это время тишина и только тетя Шура гремит ведрами, случилось паломничество.

Сначала потянулись мелкие клерки. Девочки из канцелярии, обычно сидящие на диете из воды и воздуха, сегодня брали по два сырника, щедро поливая их сметаной. Потом потянулись инженеры. А к десяти часам у раздачи образовалась пробка из «белых воротничков», которые должны

были сейчас сидеть на своих рабочих местах и двигать прогресс.

Я встала за кассу. Мне нравилось смотреть в их лица. Это были лица счастливых людей, которые на полчаса забыли о дедлайнах, ипотеках и отчетах. Они просто ели.

— Галина Ивановна, вы волшебница! — молодой парень из IT-отдела, Виталик, закатил глаза, прожевывая блин. — У нас в серверной пахнет так, что мы провода чуть не перегрызли. Невозможно работать! Пришлось бежать.

— Кушайте, Виталик, кушайте, — я пробивала щеки с пулеметной скоростью. — Мозгу нужна глюкоза. И белок.

Очередь двигалась. И вдруг я увидела его. Сережа, заместитель Бориса. Молодой, исполнительный парень, который всегда смотрел на моего мужа (теперь уже бывшего) как на божество логистики.

Сегодня Сережа выглядел напуганным. Он взял поднос, поставил на него три порции блинов и два стакана сметаны.

— Ого, Сергей, — я подняла бровь. — Решили набрать массу к зиме?

Сережа нервно оглянулся на дверь, словно боялся погони, и наклонился ко мне через стойку.

— Галина Ивановна, спасайте, — зашептал он. — Это не мне. Это ребятам в отдел. Мы там забаррикадировались, но сидеть невозможно. Слюной давимся. А Борис Петрович... он сегодня лютует.

Мое сердце радостно екнуло.

— Что такое? Настроение не рабочее?

— Какое там рабочее! — Сережа понизил голос до свиста.

— Он с утра пришел черный, как туча. Заперся у себя, жалюзи опустил. Орет на всех. Сказал, что если увидит кого-то с едой — уволит к чертовой матери. А сам...

— Что — сам? — я подалась вперед.

— Сам сидит, воду пьет. И карандаш грызет. Реально, Галина Ивановна, я заходил подписывать путевку — у него весь колпачок изжеван в крошку. И вид у него... страшный. Как у вампира, который на диете.

Я сдержала улыбку, пробивая чек.

— Семьсот сорок рублей, Сережа. Берите контейнеры, несите ребятам. Скажите, гуманитарная помощь от пищеблока. Пусть кушают тайком, под столом. Нечего молодой организм голодом морить из-за чужих... принципов.

Сережа схватил контейнеры, как вор награбленное, и растворился в толпе.

Я закрыла кассу и повесила табличку «Технический перерыв 15 минут».

Мне нужно было это увидеть. Мне нужен был визуальный контроль поражения цели.

В качестве предлога я взяла журнал учета рабочего времени. Табелъщица сидела на первом этаже административ-

ного корпуса, но путь к ней можно было проложить хитро — через второй этаж, мимо отдела логистики. Якобы зайти в бухгалтерию за сверкой.

Я вышла из столовой. И сразу поняла: моя диверсия удалась.

Коридор, соединяющий цеха с офисами, был похож на трубу, по которой качали аромат. Здесь пахло так густо, так плотно жареным луком и мясом, что воздух можно было резать ножом и намазывать на хлеб. Сладкая нота ванили от сырников вплеталась в эту симфонию верхним аккордом, делая запах невыносимо домашним.

Это был запах воскресного утра. Запах детства. Запах безопасности.

Для голодного человека это была пытка изощреннее, чем иголки под ногти.

На втором этаже было тихо, но это была тишина засады. Двери кабинетов были приоткрыты, люди сидели, уткнувшись в мониторы, но я видела, как они то и дело глубоко вдыхают, с блаженными лицами.

Я шла по коридору, стуча каблуками. Мой белый китель сиял. Я не стала надевать колпак, просто аккуратно собрала волосы. Я несла этот запах на себе, как духи. Мои волосы, одежда, кожа — всё пропиталось ароматом горячего масла.

Я подошла к приемной отдела логистики.

Дверь в кабинет Бориса была закрыта. Но не просто закрыта.

Я присмотрелась. Внизу, в щели между дверным полотном и порогом, было что-то белое. Тряпка? Бумага?

Я наклонилась, делая вид, что поправляю пряжку на туфле.

Это были листы формата А4, скрученные в жгуты и плотно заткнутые в щель.

Он баррикадировался.

Он пытался физически отгородиться от запаха.

Я выпрямилась, чувствуя, как внутри разливается горячая волна торжества. Борис Петрович, начальник отдела, взрослый мужик, сидит в своем кабинете и затыкает щели бумагой, чтобы не чувствовать запах блинов. Это было фиаско. Полное, безоговорочное фиаско его «легкой жизни».

Внезапно дверь приемной открылась, и оттуда вылетела — именно вылетела — Любаша, молоденькая логистка. Лицо у неё было красное, в глазах стояли слезы. В руках она прижимала к груди папку, словно щит.

— Люба, что случилось? — я перегородила ей дорогу.

Она всхлипнула, увидев меня.

— Галина Ивановна... Он ненормальный! Он просто

зверь!

— Кто? Борис Петрович?

— Да! Я зашла уточнить по вагонам, а он как заорет! «Выйди вон!». Говорит: «От тебя несет прогорклым жиром, дышать нечем!». А я просто в столовую ходила на завтрак... Я же не виновата, что блины вкусные! Он сказал, что я специально его провоцирую!

— Ну-ну, тише, — я похлопала её по плечу. — Не плачь. Это у него сахар в крови упал. От голода люди звереют. Иди, умойся, съешь конфетку.

Люба убежала в туалет, а я осталась стоять перед дверью его кабинета.

За дверью кто-то ходил. Тяжелые, нервные шаги. Туда-сюда. Как тигр в клетке. Только тигр был не настоящий, а плюшевый, и очень голодный.

В коридоре появился курьер из службы доставки документов — парень в яркой желтой куртке с большим рюкзаком. Он уверенно направился к двери Бориса.

— Доставка для Котова, — буркнул он, проходя мимо меня.

Это был мой шанс.

Курьер дернул ручку. Дверь поддалась с трудом — мешала бумажная баррикада внизу.

— Эй, осторожнее! — рывкнул голос Бориса изнутри.

Дверь открылась.

Я шагнула чуть в сторону, так, чтобы меня было видно в проем, но я не мешала курьеру.

Я заглянула внутрь.

Кабинет Бориса напоминал бункер.

Жалюзи были опущены, создавая в комнате болезненный полумрак. Кондиционер гудел на полной мощности, выдувая ледяной воздух — Борис пытался заморозить запах. На столе, среди разбросанных бумаг, стоял тот самый высокий стакан с трубочкой. В нем плескалась мутно-зеленая жижа. Очередной шедевр от Жанны. Шпинат с надеждой? Сельдерей с отчаянием?

Но смотрела я не на стакан.

Я смотрела на Бориса.

Он сидел за столом, вцепившись руками в столешницу. Пиджак был сброшен на спинку стула, галстук ослаблен и сбился набок. Он выглядел... помятым. Иссохшим. Его лицо было серым, губы сухими.

В руке он держал простой карандаш.

Я присмотрелась. Деревянный кончик карандаша был размочален в щепки. Он грыз его. Он натурально жевал древесину, пытаясь обмануть жевательный рефлекс.

Курьер прошел к столу, протягивая планшет для подписи.

— Распишитесь, здесь и здесь.

Борис поднял голову. Он подписал, не глядя.

И в этот момент, когда курьер уже разворачивался, чтобы уйти, Борис поднял глаза. И увидел меня.

Я стояла в проеме открытой двери, как видение. Я была воплощением всего, что он потерял. Белый китель, статная фигура, спокойная улыбка.

И запах.

Когда дверь открылась, сквозняк из коридора ворвался в его ледяной бункер, неся с собой концентрированный аромат горячих блинов, жареного лука, сливочного масла и сладкой творожной ванили.

Я видела, как его ноздри расширились. Он втянул этот воздух судорожно, всем объемом легких, словно утопающий, вынырнувший на поверхность.

Его глаза закатились на долю секунды. Это был момент чистого, физиологического экстаза, который он не мог контролировать.

А потом он сфокусировал взгляд на мне.

В его глазах была такая мука, такая смесь ненависти и мольбы, что любой другой на моем месте, наверное, дрогнул бы. Побежал бы за пирожком. Простил бы.

Но я была не любой другой. Я была женщиной, чью тридцатилетнюю заботу называли «ядом».

Я медленно опустила руку в карман кителя.

Борис следил за моим движением не моргая, словно сапер, наблюдающий за пальцем на кнопке детонатора. В его взгляде читался животный ужас пополам с надеждой: а вдруг я сейчас достану бутерброд? Пирожок? Хоть корку хлеба?

Но я достала конфету.

Обычную «Коровку». Сливочную тянучку в желтой бу-мажке, которую мы всегда клали на кассу для сдачи.

В мертвой тишине кабинета, где гудел только кондиционер, шорох разворачиваемого фантика прозвучал как пуле-метная очередь. Хрусь. Шурх.

Зрачки Бориса расширились. Он смотрел на этот маленький, бежевый брусок вареного сахара и сгущенного молока так, как верующие смотрят на святые мощи.

Я не спешила. Я поднесла конфету к губам. Медленно. Демонстративно.

Я положила её на язык.

Прикрыла глаза, изображая высшую степень наслаждения.

— М-м-м... — вырвалось у меня. — Свежая. С жидким центром.

Я увидела, как горло Бориса судорожно сжалось. Кадык совершил резкий скачок вверх-вниз — пустой, сухой глоток, от которого, наверное, больно ободрало гортань. Он смотрел на мой рот, в котором исчезла конфета, и его лицо приобрело выражение глубокого, трагического сиротства.

Его рука, сжимавшая карандаш, дернулась. Раздался сухой треск. Карандаш сломался пополам.

— Девушка, можно пройти? — буркнул курьер, протискиваясь между мной и косяком. Он закончил свои дела и спешил убраться из этого странного кабинета, где начальник грыз канцелярию, а в воздухе висело напряжение, плотное, как грозовая туча.

Курьер вышел в коридор. Я сделала шаг назад.

Борис остался там, в своем ледяном кубе. Один на один со стаканом зеленой тины и ароматом жареного мяса, который я впустила внутрь. Теперь этот запах никуда не денется. Он впитается в шторы, в ковролин, в его дорогой костюм. Он будет стоять у него в носу до самого вечера.

— Не скучай, Боря, — тихо сказала я, уже не для него, а для себя. — Сахар полезен для мозга. Жаль, что тебе его нельзя.

Я потянула ручку двери на себя.

В последнюю секунду, перед тем как щелкнул замок, я увидела, как Борис, отшвырнув сломанный карандаш, схватил стакан со смузи и с ненавистью, залпом, начал вливать в себя эту жижу, зажмурившись, чтобы не расплакаться.

Дверь закрылась.

Я стояла в коридоре, чувствуя, как на языке тает сливочная сладость. Конфета была приторной, но сейчас она казалась мне вкуснее самого изысканного десерта.

Мимо проходили люди. Они улыбались, неся в руках контейнеры с блинами. Жизнь на заводе шла своим чередом — сытая, шумная, пахнущая маслом и луком. И только за одной дверью царили холод, голод и зеленая тоска.

Я поправила колпак и направилась к лестнице. Моя миссия на сегодня была выполнена. Я накормила полторы тысячи человек и оставила голодным одного. Баланс во вселенной был соблюден.

— Галина Ивановна! — окликнула меня Людочка из бухгалтерии, та самая, что утром бежала за синнабонами. — А сырники еще остались? Мы хотим вторую партию взять, к чаю!

— Беги, Люда, беги, — усмехнулась я. — Пока горячие.

Я шла и думала о том, что через час у директора начнется большое совещание. Борис должен там быть. В закрытом помещении, в тишине, среди сытых коллег...

Его организм, раздраженный запахами и обманутый водой, сейчас был похож на паровой котел, у которого заварили клапан. И этот котел вот-вот должен был рвануть.

Я не знала, что именно произойдет, но была уверена: это будет громко. Очень громко.

— Приятного аппетита, бывший муж, — прошептала я, глотая сладкую слюну. — Надеюсь, твоя "легкость" поможет тебе не взлететь на воздух от злости.

Глава 12 (Борис)

от лица Бориса

Ковролин в коридоре административного корпуса был мягким, дорогим и звукопоглощающим, но мне казалось, что я иду по зыбучим пескам. Ноги, обутые в итальянскую кожу, стали ватными, непослушными, словно колени вдруг решили, что они сделаны из желе.

Среда. Середина недели. Жанна называла это «экватором очищения». Я же называл это третьим днем ада.

Я остановился перед зеркальной стеной у приемной генерального директора, чтобы поправить галстук. Из зазеркалья на меня смотрел человек, который определенно достиг просветления. Ну, или терминальной стадии истощения. Мои щеки впали, обозначив скулы (Жанна говорила, что это «аристократичный рельеф», я же видел череп, обтянутый пергаментом). Цвет лица колебался где-то между оттенком сырой штукатурки и той самой зеленой жижи, которую я пил вчера на обед.

Но самое страшное творилось внутри.

Мой желудок, этот преданный пес, которого я тридцать лет кормил отборным мясом и наваристыми супами, теперь превратился в дикого зверя. Он не просто просил еды. Он выл. Он скребся когтями о позвоночник. Он требовал жертв.

Вчерашний ужин из трех сырых гречневых зерен и прозрачного ломтика дайкона провалился в него, как монета в колодец, даже не коснувшись стенок.

— Борис Петрович! — раздался за спиной бодрый, густой бас.

Я вздрогнул и обернулся. Ко мне приближался Савельев, мой заместитель. Румяный, плотный, довольный жизнью мужик, у которого пуговицы на пиджаке держались на честном слове и вере в светлое будущее.

— Готовы к порке? — подмигнул он, похлопывая меня по плечу. — Шеф сегодня не в духе, говорят, показатели по отгрузке просели.

Я попытался ответить что-то солидное, начальственное, но слова застряли в горле. От Савельева пахло.

Нет, от него не разило потом или табаком. От него исходил божественный, густой, плотный аромат жареного лука, горячего теста и мясного фарша.

Я непроизвольно втянул носом воздух, чувствуя, как рот мгновенно наполняется слюной. Этот запах ударил мне в мозг сильнее, чем рюмка водки на голодный желудок. Блины. Те самые, которые Галя сегодня жарила с утра, устроив очередную газовую атаку через вентиляцию.

— Ты... — я сглотнул, стараясь не смотреть на жирное пятнышко в уголке губ Савельева. — Ты завтракал?

— А то! — Савельев блаженно погладил свой живот. —

Галина Ивановна сегодня превзошла саму себя. Блинчики с мясом — ум отъешь! Сочные, горячие, а сметана — ложка стоит! Я три штуки уговорил, еле дышу. Кстати, Борис Петрович, вы чего сами не зашли? Там народ в очереди давился, но оно того стоило.

— Я не ем мертвую пищу, Савельев, — процедил я, чувствуя, как кружится голова. — Мой организм работает на чистой энергии.

Савельев посмотрел на меня с нескрываемой жалостью. Так смотрят на умалишенных или на тех, кому осталось жить два понедельника.

— Ну-ну, — хмыкнул он. — Энергия — это хорошо. Главное, чтобы батарейки не сели посреди доклада.

Мы вошли в приемную. Секретарша директора, Леночка (не путать с той, что в столовой), оторвалась от монитора и повела носом.

— Ой, как вкусно пахнет! Сергей Иванович, это от вас? Пирожками?

— Блинами, Леночка, блинами! — гордо отозвался Савельев.

Я прошел мимо них, стараясь не дышать. Мне казалось, что этот запах преследует меня, проникает в поры, дразнит, издевается. «Сырники... Блины... Сметана...» — эти слова пульсировали в висках в ритме тахикардии.

Двери кабинета директора распахнулись. Мы вошли в

святая святых завода.

Огромный стол из темного дуба, тяжелые кожаные кресла, портрет губернатора на стене и кондиционер, работающий на +18. Здесь царила атмосфера больших денег и серьезных решений. Обычно я любил эти совещания. Они давали мне чувство причастности к великому. Я сидел, вальяжно откинувшись в кресле, вертел в руках дорогую ручку и чувствовал себя хозяином положения.

Сегодня я чувствовал себя воздушным шариком, из которого выпустили воздух.

Я занял свое место по правую руку от директора. Рядом со мной, шелестя шелком юбки, присела Жанна. Как начальник отдела кадров, она теперь была обязательным участником всех планерок.

Она сияла. Ее кожа светилась (возможно, от хайлайтера, а возможно, от того самого сельдерея), глаза горели фанатичным блеском.

— Ты бледный, Боренька, — прошептала она мне на ухо, и от нее пахло смесью дорогого парфюма и сырой земли. — Это токсины выходят. Кризис очищения. Ты молодец, держишься.

Она незаметно пододвинула ко мне свой стакан.

Обычно на столе у директора стояли графины с минералкой и хрустальные стаканы. Но Жанна пришла со своим.

Я скосил глаза.

В высоком стакане плавала густая, склизкая субстанция. Прозрачная жидкость, в которой были взвешены сотни мелких черных точек, окруженных гелевой оболочкой.

Семена чиа.

Выглядело это так, словно кто-то зачерпнул воды из болота вместе с лягушачьей икрой.

— Пей, — одними губами сказала Жанна. — Это гидротация.

Меня замутило. Один вид этой слизи заставил мой пустой желудок сжаться в комок. Я отодвинул стакан подальше, к краю стола.

Вошел Генеральный. Виктор Ильич. Человек-скала, который начинал мастером в цеху и знал этот завод до последнего винтика. Он не терпел опозданий, глупости и слабости.

— Доброе утро, — пророкотал он, садясь во главу стола. — Начинаем. Времени мало, проблем много. Логистика, Котов, готовься, с тебя начнем. Вагоны на Урал почему стоят?

Я выпрямил спину. Я должен быть профессионалом. Голод — это всего лишь сигнал мозга. Я управляю своим телом, а не оно мной.

Я положил перед собой папку с отчетом. Буквы прыгали перед глазами. Цифры расплывались.

— Виктор Ильич, ситуация под контролем, — начал я. Голос прозвучал хрипло, слабо. — Проблема в согласовании тарифов с железнодорожниками. Мы направили запрос...

В зале повисла тишина. Все слушали. Генеральный листал бумаги, Савельев что-то помечал в блокноте. Слышно было только гудение проектора.

И тут это случилось.

Сначала это было похоже на далекий раскат грома. Глухой, низкий звук, зародившийся где-то в недрах моего организма. Я напряг пресс, пытаюсь задавить бунт в зародыше. Я втянул живот так, что он прилип к позвоночнику.

«Молчать, — мысленно приказал я своим внутренностям. — Молчать, твари!»

Я кашлянул, пытаюсь замаскировать назревающую катастрофу.

— Кхм... Простите. Так вот, тарифы...

Но предатель был неумолим.

Звук прорвался.

Это было не просто урчание. Это был вой умирающего кита, помноженный на скрежет несмазанной телеги. Протяжный, переливающийся, вибрирующий звук:

— Ууууууу-ррррррр-гхххххх-лююююп!

Он длился секунды три, но мне показалось — вечность.

В тишине кабинета, отражаясь от дубовых панелей, этот звук прозвучал как выстрел из гаубицы.

Виктор Ильич замер с ручкой в руке. Он медленно поднял глаза от бумаг и посмотрел на меня. В его взгляде было не удивление, нет. В нем было недоумение человека, который слышал, как в его кабинете заговорил унитаза.

Савельев рядом со мной хрюкнул, пытаясь сдержать смех, и уткнулся носом в ладонь. Главный бухгалтер, пожилая интеллигентная дама, деликатно отвела глаза, но уголки её губ дрогнули.

Мое лицо вспыхнуло. Я чувствовал, как кровь приливает к ушам, к шее, заливают щеки пунцовым жаром.

— Прошу прощения, — выдавил я. — Воды... глоток воды.

— Котов, — голос Генерального был сухим, как песок. — У тебя там что, чужой завелся? Или ты кота проглотил, и он выход ищет?

По столу пробежал смешок. Легкий, но убийственный для моей репутации. Я, Борис Петрович Котов, начальник отдела, железный человек логистики, сидел красный, как помидор, под аккомпанемент собственного кишечника.

И тут вмешалась Жанна.

О, лучше бы она промолчала. Лучше бы она провалилась сквозь землю вместе со своим ковриком для йоги.

Она порывисто наклонилась ко мне, её браслеты звякнули о столешницу. В полной тишине её громкий, заботливый шепот прозвучал как приговор:

— Боренька! Ну я же говорила! Процесс пошел! Это блоки выходят! Выпей водички с чаа, нужно срочно смочить слизистую, иначе токсины начнут всасываться обратно!

Она схватила тот самый стакан с «лягушачьей икрой» и сунула его мне прямо под нос.

— Пей! Это живая влага!

Все взгляды устремились на стакан. На мутную жижу. На слизь.

Виктор Ильич посмотрел на стакан, потом на Жанну, потом снова на меня. Его брови поползли вверх.

— Это что? — спросил он, указывая ручкой на стакан. — Анализы?

Зал взорвался. Смех был уже не сдержанным. Савельев трясся всем телом, вытирая слезы. Начальник охраны багровел от натуги. Даже секретарша в углу прыснула в кулак.

Я хотел умереть. Прямо здесь, в кожаном кресле.

От запаха тины, исходящего из стакана, и от стресса мой

желудок решил, что терять ему больше нечего, и выдал новую руладу. На этот раз — короткую, резкую и высокую, похожую на кваканье.

— Ква-а-а-к!

Жанна сияла. Она смотрела на директора с видом пророка, проповедующего дикарям.

— Виктор Ильич, вы не понимаете! Борис Петрович переходит на новый уровень осознанности. Он на чистке. У него сейчас перестройка организма на клеточном уровне. Это звуки исцеления!

Директор медленно снял очки. Протер их платком. Водрузил обратно на нос.

— Исцеления, говоришь? Жанна Эдуардовна, у нас тут завод тяжелого машиностроения, а не кружок хорового пения желудками.

Он перевел тяжелый взгляд на меня.

— Котов.

— Да, Виктор Ильич... — прошептал я.

— Ты мне отчет сорвал. И цирк устроил. Если ты болен — пиши заявление на больничный. Если ты голоден — иди

в столовую.

— Я не голоден! — воскликнул я, пытаюсь спасти остатки достоинства. — Это... это просто диета.

— Диета, — передразнил директор. — Мужiku под шестьдесят, а он слизью питается. Смотреть на тебя страшно, Борис. Тень отца Гамлета. Иди отсюда.

— Куда? — растерялся я.

— В столовую иди! — рявкнул Генеральный. — Поешь человеческой еды, пока в обморок не упал на мои ковры. Чтобы через час был у меня с нормальным лицом и без музыкального сопровождения. И уберите эту гадость со стола, — он кивнул на стакан с чаа. — Аппетит портит.

Я встал. Ноги дрожали. Я чувствовал на себе взгляды всех присутствующих. Жалость. Насмешка. Недоумение.

Жанна попыталась взять меня за руку:

— Борис, не слушай их! Они рабы системы! Не смей есть глютен!

Я выдернул руку. Грубо. Резко.

— Отстань, — прошипел я.

Я вышел из кабинета под сопровождение тишины, которая была громче любого крика.

Дверь за мной закрылась, но совещание, судя по всему,

было скомкано окончательно. Через минуту дверь снова открылась, и народ повалил в коридор.

— Перерыв на двадцать минут! — объявил кто-то.

Я стоял у окна в коридоре, пытаюсь отдышаться. Голова кружилась так, что стены, казалось, падали на меня. Я был унижен. Растоптан. Публично назван «голодным идиотом».

Мимо меня прошел Савельев с начальником цеха.

— Ну что, Михалыч? — подмигнул Савельев. — Слышал наказ директора? В столовую!

— Ага, — басовито отозвался начальник цеха. — Я еще с утра приметил — Галина Ивановна сырники выложила. С изюмом. Румяные такие, пышные. Говорят, она туда творог деревенский кладет, жирный.

— И сметанки сверху... — мечтательно протянул Савельев. — Холодной, густой. Макаешь горячий сырник в сметану, он аж шипит... М-м-м... Побежали, а то разберут! Там сейчас вторая смена на обед пойдет.

Они ускорили шаг. Солидные мужчины в костюмах, с сединой в волосах, они почти бежали по коридору, сглатывая слюну. Они бежали не от работы. Они бежали к теплу. К уюту. К еде, которая пахнет домом.

К Гале.

Я смотрел им вслед.

Во рту стало горько.

Сырники. С изюмом.

Я помнил их вкус. Галя жарила их на медленном огне, чтобы пропеклись, но не подгорели. Корочка была тонкая, хрустящая, а внутри — нежная творожная масса, тающая на языке. Она посыпала их сахарной пудрой через маленькое ситечко...

Мой желудок сжался в болезненный комок. Он уже не урчал. Он скулил, как побитая собака.

— Борис! — Жанна вышла из приемной. Она несла мой портфель и этот проклятый стакан. — Ну ты чего расстроился? Виктор Ильич просто старый ретроград. Он не понимает биохакинга. Нам нужно усилить практику. Сегодня вечером сделаем клизму с ромашкой, это успокоит кишечник...

Клизму.

С ромашкой.

Я посмотрел на Жанну. На её идеальное, гладкое лицо, на котором не было ни следа сочувствия, только фанатичная уверенность в своей правоте. Впервые за эти недели я увидел не «фею легкости», а надзирателя в концлагере, где вместо колючей проволоки — коврики для йоги, а вместо баланды — вода с зернами.

— Жанна, — тихо сказал я. — Иди... в бухгалтерию.

— Что? — она моргнула.

— Иди работай. Оставь меня.

Я развернулся и побрел по коридору. Не к лифту. Не в кабинет.

Я шел туда, где не было Жанны. Где можно было спрятаться от позора.

Я шел в курилку на заднем дворе.

Я не курил уже пять лет — Галя отучила. Но сейчас мне казалось, что только едкий дым сможет заглушить этот невыносимый запах сырников, который, казалось, пропитал стены завода насквозь.

А еще я надеялся, что там, в курилке, у мужиков найдется хоть что-то. Хоть сухарик. Хоть завалящая карамелька в кармане спецовки.

Гордость?

К черту гордость.

Я хотел есть.

Глава 13

Крышка огромной эмалированной кастрюли сдвинулась с тяжелым, влажным звуком, выпустив на волю дух, способный воскресить мертвого. Если бы счастье имело агрегатное состояние, то сегодня, в среду, в двенадцать тридцать дня, оно выглядело бы именно так: густой, рубиново-красный пар, пахнувший сладкой свеклой, томленной говядиной и честным лавровым листом.

Я стояла над борщом, как алхимик над философским камнем.

Это был не тот суп, что мы разливали в общем зале. Для потока мы варили хорошо, по ГОСТу, но без души — объемы не позволяли нянчиться с каждым литром. Этот же борщ я начала готовить еще с утра, в отдельном сотейнике, на «медленном огне», как учила меня бабушка. Я томила мозговую косточку три часа, пока бульон не стал плотным, как жидкое золото. Я пассеровала лук и морковь не на растительном масле, а на снятом жире. Я добавила в зажарку ложку сахара и каплю уксуса, чтобы цвет бил по глазам своим багрянцем, а вкус играл на языке той самой идеальной кисло-сладкой нотой.

— Галина Ивановна, — Валя заглянула мне через плечо, и я услышала, как она судорожно сглотнула. — Это ж произведение искусства. В Третьяковку выставлять надо, а не есть.

— Еда, Валя, существует, чтобы исчезать, — философски заметила я, зачерпывая половником гущу.

Мясо разварилось так, что распадалось на волокна от одного прикосновения. Капуста была хрусткой, но прозрачной. Картофель пропитался цветом и стал похож на драгоценные камни.

Я налила полную, до краев, глубокую керамическую миску. Это была специальная посуда — «гостевая». Она держала тепло полчаса. Сверху, прямо в центр рубинового озера, я плюхнула ложку сметаны. Деревенской. Той самой, в которой ложка не просто стоит, а увязает, как в сугробе. Сметана лениво начала плавиться по краям, пуская белые разводы по красному бархату.

Рядом, на деревянный поднос, я водрузила плетеную корзинку. В ней лежали три пампушки. Те самые, из утренней партии, что свели с ума весь административный корпус. Я специально отложила их в теплое место, под полотенце. Сейчас я щедро, не жалея, полила их чесночной заправкой. Масло заблестело на румяных боках, укроп добавил зелени.

Завершал композицию пучок зеленого лука, несколько ломтиков сала с мясными прожилками (тонких, просвечивающих на свет) и, конечно, запотевшая стопка. В ней была простая вода — на заводе сухой закон, — но выглядело это так антуражно, что эффект плацебо был гарантирован.

— Павел Егорович уже на разгрузке? — спросила я, поправляя кипенно-белую салфетку.

— Да, творог сдает кладовщику. Говорит, торопился, боялся, что мы без сырья останемся, — кивнула Валя. — Галочка, давай я отнесу? Тяжело ведь. Поднос дубовый.

Я посмотрела на свои руки. Крепкие, ухоженные руки, привыкшие к тяжести котлов и противней.

— Нет, Валя. Гостя встречает хозяйка. Это закон гостеприимства. Да и проветриться мне не мешает, а то я от этих запахов сама скоро начну в ширину расти.

Я подхватила поднос. Он был увесистым, солидным. Как и мужчина, для которого предназначался этот обед.

Выход на дебаркадер — зону погрузки-разгрузки с тыльной стороны столовой — лежал через длинный коридор, выкрашенный масляной краской в унылый бежевый цвет. Обычно я проходила его быстрым шагом, не замечая обшарпанных стен. Но сегодня я шла торжественно, как несущая дары волхвов.

Дверь на улицу была приоткрыта. В щель задувал холодный ноябрьский ветер, смешанный с запахом дизеля и мокрого асфальта. Но даже он не мог перебить аромат, который плыл впереди меня на полметра. Чеснок и укроп работали безотказно, как феромоны уюта.

Я толкнула дверь бедром и вышла на широкое бетонное крыльцо под навесом.

Мир снаружи был серым. Низкое небо, сырость, грязь, размазанная колесами грузовиков. Но посреди этой серости

стоял огромный, забрызганный глиной пикап Павла, похожий на зверя, вернувшегося с охоты. Сам Павел, в расстегнутой куртке, подписывал накладные у нашего кладовщика Михалыча.

Я улыбнулась и уже сделала шаг к лестнице, как вдруг боковое зрение выхватило какое-то движение слева.

Там, в углу двора, притулилась заводская курилка — убогая конструкция из поликарбоната, продуваемая всеми ветрами. Обычно там дымили работяги, прячась от начальства. Но сейчас смена была в разгаре, цеха гудели, и курилка должна была быть пустой.

Должна была.

На грязной, исчерченной ножиками лавке сидел человек.

Он постелил под себя газету — видимо, «Заводской вестник», — чтобы не испачкать брюки из тонкой итальянской шерсти. Он сидел, сгорбившись, подняв воротник пальто, пытаясь спрятать шею от сквозняка.

Борис.

Мой бывший муж. Начальник отдела логистики. Человек, который вчера кричал о свободе, а сегодня утром грыз карандаш от голода.

Я замерла на верхней ступеньке крыльца. Я была выше его уровня на два метра. С этой точки мне открывалась панорама его унижения во всех деталях.

Борис не курил. На коленях у него стоял модный ланч-

бокс из эко-пластика, разделенный на секции. Я прищурилась. Содержимое контейнера выглядело так, словно кто-то ограбил хомяка-вегана.

В самом большом отсеке лежали три палочки сельдерея. Бледные, волокнистые, с подсохшими срезами. Рядом покоилась половинка авокадо. Оно уже начало окисляться, покрываясь теми самыми неприятными коричневыми пятнами, которые напоминают ржавчину. В маленьком отсеке лежала горсть орехов. Сырых. Я знала это, потому что Жанна не признавала жарку.

Борис держал в руке половинку грецкого ореха. Он смотрел на нее с такой тоской, с какой узник смотрит на решетку камеры. Он поднес орех ко рту и попытался откусить.

Я услышала сухой треск. Видимо, скорлупа попалась. Борис поморщился, помассировал челюсть.

Ветер, проказник, крутанулся во дворе, подхватил густой, горячий дух моего борща и пампушек и швырнул его прямо в лицо Борису.

Эффект был мгновенным.

Борис вскинул голову. Его ноздри раздулись, как у гончей, почуявшей дичь. Глаза расширились. Он медленно повернул голову и увидел меня.

Я стояла на дебаркадере, в своем ослепительно белом кителе, который на фоне серого бетона казался светящимся. В руках я держала поднос. Пар от борща поднимался вверх,

окружая меня нимбом гастрономического соблазна.

Борис привстал. Лавака качнулась. Контейнер на его коленях опасно накренился, и один орех покатился по асфальту в грязную лужу.

В его взгляде вспыхнула такая надежда, что меня ожгло.

Это была не просто надежда голодного человека. Это была уверенность избалованного ребенка, которого мама решила простить.

«Она пришла! — читалось в его глазах. — Она не выдержала! Она узнала, как мне было плохо на совещании, как я опозорился, и её сердце дрогнуло. Она принесла мне обед. Настоящий! Горячий! С пампушками!»

Он сделал шаг вперед, выйдя из-под козырька курилки под мелкую, противную морось.

— Галя? — его губы шевельнулись беззвучно, но я прочитала имя.

Я начала спускаться по лестнице. Медленно. Торжественно.

Каждый мой шаг приближал меня к нему. И с каждым шагом его лицо светлело. Он уже готов был улыбнуться той самой, извиняющейся и одновременно снисходительной улыбкой: «Ну ладно, перегнул я палку, давай мириться, где моя

ложка?».

Я поравнялась с ним. Между нами было метра два асфальта.

Борис протянул руку, словно собираясь принять поднос.

— Галочка, ты... — начал он, и голос его дрогнул от предложения.

Я остановилась. Посмотрела на него. Потом на его контейнер с жухлым сельдереем. Потом снова ему в глаза.

— Приятного аппетита, Борис Петрович, — сказала я громко, четко, с той профессиональной любезностью, которой учат стюардесс. — Вижу, у вас сбалансированное питание? Орехи — это очень полезно. В них много омега-жиров. Для работы мозга незаменимо. А то, говорят, на совещаниях нынче сложно сосредоточиться бывает?

Улыбка сползла с его лица, как старая штукатурка.

Он понял.

Поднос был не для него.

Борщ, в котором ложка стоит, был не для него.

Пампушки, лоснящиеся от чеснока, были предназначены другому рту.

— Это... не мне? — выдавил он. Это прозвучало так жал-

ко, что где-то в глубине души шевельнулся старый рефлекс «накормить сиротку». Но я задавила его каблуком.

— Вам, Борис Петрович, такое нельзя. Тут же сплошные токсины. Жир, дрожжи, термическая обработка. Жанна Эдуардовна не переживет, если вы нарушите чистоту эксперимента. Кушайте авокадо. Оно... питательное.

Я отвернулась и прошла мимо.

Спиной я чувствовала, как он провожает взглядом уплывающий от него поднос. Как его взгляд цепляется за белую шапку сметаны, за розовое сало, за румяную корку хлеба.

Я подошла к машине Павла.

Фермер уже закончил с бумагами и теперь стоял, прислонившись к мощному капоту своего грузовика. Увидев меня, он расплылся в улыбке, от которой, казалось, даже тучи разошлись.

— Галина Ивановна! — его бас перекрыл шум работающего дизеля. — Мать честная! Я думал, ну, пирожок перехвачу, ну, чаю... А тут! Да это же царский стол!

— Мужчина с дороги должен есть жидкое, Павел Егорович, — сказала я, ставя поднос на капот. — У нас на заводе правило: кто хорошо работает, тот хорошо ест. А творог ваш сегодня с утра фурор произвел. Сырники улетели за час.

Павел потер руки — большие, широкие ладони, в вьевшейся в кожу землей, несмотря на чистоту.

— Ну, Галина Ивановна... Вы — клад. Нет, вы — золотая жила!

Он взял ложку. Не пластиковую, как у Бориса, а нормальную, тяжелую стальную ложку, которую я прихватила с собой.

Он зачерпнул борщ. Глубоко, со дна, захватив кусок мяса и сметану.

Подул. Пар полетел в сторону курилки.

Борис стоял там, под дождем, забыв про крышу. Он смотрел. Он не мог отвести глаз.

Павел отправил ложку в рот. Зажмурился.

— М-м-м! — промычал он на весь двор. — Ох, мать... Галина Ивановна, это ж песня! Это ж... у меня бабушка так в деревне варила, в печи! Навар-то какой! А кислинка!

Он отломил половину пампушки, макнул её прямо в миску, в жирный красный бульон, и отправил следом.

Хрустнула корочка.

— Божественно, — выдохнул он. — Просто божественно. Я, Галина Ивановна, теперь ваш раб. За такой борщ я вам не то что творог, я вам душу продам.

Я стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела, как он ест. В этом было что-то первобытное, правильное. Мужчина ел с аппетитом, не жеманясь, не высчитывая калории. Он наслаждался вкусом, и это наслаждение было лучшим комплиментом моему мастерству.

— Кушайте, Павел Егорович, на здоровье, — сказала я мягко. — Сало попробуйте. Сама солила, в рассоле, с перчиком.

Он взял ломтик сала, положил на черный хлеб, откусил.

— Тает! — возвестил он. — Галина Ивановна, вы опасная женщина. Вы так мужчину приворожить можете, он и имя свое забудет.

Я рассмеялась. Легко, кокетливо.

— Ну, зачем же имя забывать. Имя в хозяйстве пригодится.

Краем глаза я наблюдала за курилкой.

Борис стоял, как соляной столб. Дождь мочил его укладку, капли стекали за шиворот дорогого пальто. В его руках пластиковый контейнер дрожал мелкой дробью.

Он видел всё.

Он видел, как другой мужчина ест ЕГО борщ. Тот самый

борщ, рецепт которого я оттачивала годами специально под него, Бориса, вкус (побольше мяса, поменьше капусты).

Он видел, как я улыбаюсь этому другому мужчине. Не дежурной улыбкой заведующей, а женщиной, которая знает себе цену.

В этот момент в Борисе что-то сломалось. Я видела это по его плечам — они опустились еще ниже. Он медленно сел на лавку, прямо в лужу воды на сиденье.

Он посмотрел на свой контейнер. На увядший сельдерей. На коричневое авокадо.

И с силой захлопнул крышку.

Он не стал есть.

Он просто сидел, глядя в одну точку, пока Павел доедал последнюю ложку и вытирал губы салфеткой.

— Спасибо, кормилица! — Павел выпрямился, сытый, довольный, румяный. — Жить захотелось! Энергия пошла, как говорится!

Он шагнул ко мне, взял мою руку в свои огромные горячие ладони.

— Галина Ивановна... — он посмотрел мне в глаза серьезно, без шуток. — В пятницу я вас не отпущу, пока не на-

кормлю так же. Долг платежом красен. И я хочу, чтобы вы попробовали моё... творчество. Шашлык из парной шейки, на углях. Согласны?

Я не отдернула руку.

— Согласна, Павел Егорович. Уговорили.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал. Крепко, смачно, прямо в костяшки пальцев. Его губы были масляными от борща, но мне не было противно. Наоборот. Это было честно.

— Буду ждать, — сказал он. — Как праздника буду ждать.

Он вскочил в кабину своего грузовика, легко, несмотря на габариты. Машина фыркнула, выпустила облако дыма и покатила к воротам. Павел посигналил на прощание — два коротких, веселых гудка.

Я осталась одна на дебаркадере.

Точнее, не одна.

Я взяла пустой поднос. Миска была вылизана до блеска, ни крошки пампушек не осталось. Чистая работа.

Я развернулась, чтобы идти обратно в тепло кухни.

Мой путь снова лежал мимо курилки.

Борис сидел там же. Он поднял на меня глаза. В них не было злости. В них была пустота человека, у которого на глазах сожгли его дом.

— Это был борщ? — тихо спросил он. Голос его прозвучал хрипло, как скрежет металла.

Я остановилась.

— Борщ, Борис Петрович. На мозговой косточке.

— С пампушками? — он сглотнул.

— С чесночными.

— А я... — он посмотрел на свой контейнер. — А я ем орехи.

— Ну так это же ваш выбор, — я пожала плечами. — Вы же сами сказали: «Я хочу летать». Вот и летайте, Борис Петрович. Орехи легкие. А борщ — он приземляет. Он для тех, кто твердо стоит на ногах.

— Галя, — он вдруг подался вперед. — У меня язва разболелась. Честно. Жжет так, что сил нет. Может... может, осталось полполовника? Просто бульона? Я никому не скажу.

На секунду — всего на одну секунду — мне захотелось бросить поднос и побежать на кухню. Налить ему бульона. Принести сухарик. Погладить по голове. Тридцать лет привычки — это страшная сила.

Но потом я посмотрела на его пальто. На лацкане, если приглядеться, был приколот крошечный значок в виде лотоса. Подарок Жанны. Знак принадлежности к секте «чистых».

— Медпункт на первом этаже, направо от входа, — ска-

зала я ледяным тоном. — Там есть альмагель. А суп у нас по расписанию закончился. Кухня закрыта на спецобслуживание.

Я пошла прочь.

— Галя! — крикнул он мне в спину. Жалобно, с надрывом.

Я не обернулась.

Я вошла в коридор, и тепло помещения обняло меня. Здесь пахло тестом и специями. Мой мир.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле двери пищеблока.

Белый китель. Колпак. Строгий пучок. Лицо без косметики, распаренное от плиты.

Павел смотрел на меня с восхищением. Он видел во мне королеву кухни. Богиню борща.

А Борис? Борис смотрел на меня как на функцию, которая дала сбой.

Но вдруг мне стало... скучно.

Я посмотрела на себя внимательнее.

Да, я профессионал. Да, я умею кормить.

Но я женщина.

Пятьдесят пять лет. Кровь с молоком, как говорила мама. Фигура — песочные часы, пусть и в формате «плюс сайз». Волосы густые, хоть и тронутые сединой, которую я прячу под колпаком.

Почему я должна быть только «кормилицей»?

Павел пригласил меня на свидание. Не на поставку творога, а на свидание. В баню. На шашлыки.

Я провела рукой по щеке. Кожа была гладкой, но уставшей.

— Хватит, — сказала я своему отражению. — Хватит прятаться за кастрюлями, Галина Ивановна.

Я толкнула дверь кухни.

Валя бросилась ко мне, вытирая руки.

— Ну как? Съел? Понравилось? А Петрович видел?

Я поставила поднос на мойку.

— Видел, Валя. Всё он видел. И как ел, и как руку целовал. Сидит теперь, орехи свои оплакивает.

Поварихи захихикали.

— Девочки, — я хлопнула в ладоши, привлекая внима-

ние. — Слушайте мою команду. Завтрашнее меню утверждаем сейчас. Я доверяю вам закрытие смены.

— А вы куда? — удивилась Лена. — Еще же только час дня. Инвентаризация крупы...

— Крупа никуда не убежит, она не Борис Петрович, — я развязала фартук. — А я ухожу. У меня важное дело.

— В налоговую? — испугалась Валя.

Я сняла колпак и потрянула волосами, которые рассыпались по плечам тяжелой волной.

— Нет, Валя. В салон красоты. Я хочу новый цвет. И стрижку. И маникюр. Красный. Как этот борщ.

В кухне повисла тишина. А потом Валя расплылась в такой широкой улыбке, что у неё зажмурились глаза.

— Ох, Галочка... Давно пора! Иди! Мы тут всё сами! А ты иди, наводи марафет. Чтобы завтра Петрович тебя увидел и вообще дар речи потерял!

Я пошла в кабинет за сумочкой.

Внутри меня бурлила энергия. Это было не злорадство, не месть. Это было предвкушение.

Я вспомнила, как Павел смотрел на меня.

«Такая женщина достойна только парного мяса».

Ну что ж, Павел Егорович. Вы получите парное мясо. В лучшей упаковке.

Я достала из сейфа флакончик духов, который хранила «на особый случай» уже три года. «Красная Москва», но не та, старая, а новая, лайт-версия, с нотками ириса и ванили.

Пшикнула на запястье.

Нет. Слишком просто. Слишком «по-советски».

Мне нужно что-то другое. Что-то дерзкое. Восточное. Пряное. Как я сама.

Я решительно бросила флакон обратно в сумку.

— Боря, ты хотел новую жизнь? — прошептала я, глядя на пустой стул для посетителей. — Ты её получишь. Только эта новая жизнь будет у меня. А у тебя будет сельдерей и язва.

Я вышла из кабинета, цокая каблуками.

Завтра «ТяжМаш» увидит новую Галину Ивановну. И я обещаю: это зрелище будет посильнее, чем запах пампушек.

Глава 14

Зеркало в салоне «Афродита» было безжалостным. Оно, подсвеченное яркими светодиодными лампами, высвечивало каждую морщинку, каждую седую прядь, которую я стыдливо прятала под накрахмаленным колпаком последние полгода. Из отражения на меня смотрела уставшая женщина с тусклым пучком на затылке, в блузке неопределенного цвета «какао с молоком» — практичного, немаркого, скучного.

Тетка.

Заведующая производством.

Жена (бывшая) Бориса Петровича.

— Ну-с, Галина Ивановна, — Артур, местный стилист, которого мне посоветовала жена главного инженера, порхал вокруг кресла, щелкая ножницами, как краб клешнями. — Кончики подровняем? Или освежим форму?

Я смотрела на этот пучок. В нем было тридцать лет брака. В нем были тысячи литров борща, тонны котлет, бессонные ночи у постели больного Бори, его глаженные рубашки, его капризы, его «Галя, подай», «Галя, принеси». Этот пучок тянул мою голову назад, к земле, к плитам, к прошлому.

— Ремь, — сказала я тихо, но твердо.

Артур замер.

— Простите?

— Режь, Артур. К чертовой матери.

Я распустила волосы. Они упали на плечи тяжелой, пегой волной. Густые, хорошие волосы, убитые дешевой краской и вечной духотой кухни.

— Я хочу каре, — я подняла подбородок, глядя своему отражению прямо в глаза. — Удлиненное. Графичное. И цвет... Уберите этот «орех». Я не белка, чтобы носить орех.

— А что хотите? — Артур загорелся. В его глазах появился азарт художника, которому разрешили закрасить скучную стену граффити.

— Хочу... — я вспомнила переливы на крыле ворона. Вспомнила густой, темный шоколад, который мы использовали для глазури. — Жемчужный каштан. Темный, глубокий, но холодный. Без рыжины. Чтобы блестело, как зеркальная глазурь на торте.

— Ого, — выдохнул Артур. — Это смело. Это характер.

— У меня этого характера, Артурчик, на три завода хватит. Работай.

Когда первые пряди упали на пол, мне стало страшно. Словно я отрезала себе пальцы. Но через минуту страх сменился странным, пьянящим чувством легкости. Моя шея, которую я прятала годами, вдруг почувствовала прохладу кондиционера. Голове стало легко.

Два часа колдовства. Запах аммиака, звон фольги, шум

фена. Я сидела, закрыв глаза, и представляла, как вместе с состриженными волосами на пол падают мои обиды. Утка с яблоками. Зеленый смузи. Презрительный взгляд Жанны. Всё это оставалось там, в куче мусора, которую подметет уборщица.

— Открывайте, — скомандовал Артур.

Я открыла глаза.

Женщины, которая вошла сюда два часа назад, больше не существовало.

Из зеркала на меня смотрела... Дама.

Темные, насыщенного, дорогого цвета волосы лежали идеальным полотном, касаясь ключиц. Косой пробор придавал лицу дерзость. Скулы, оказывается, у меня были высокими — просто раньше их скрывала невнятная челка. Глаза, освобожденные от нависающей массы волос, стали огромными и яркими.

— Господи... — прошептала я, касаясь щеки. — Это я?

— Вы, Галина Ивановна. Вы просто бомба, — Артур самодовольно улыбался. — Вам бы еще помаду поярче, и можно в кино сниматься. В роли роковой женщины, которая разбивает сердца миллионов.

Я расплатилась, оставив щедрые чаевые. Денег было жалко ровно секунду. А потом я вспомнила, сколько стоит один

визит Бориса к гастроэнтерологу, которого я ему оплачивала, и моя жаба, квакнув, сдохла.

Но это было только начало.

Я вышла из салона в вечерние сумерки. Ветер шевелил мою новую стрижку, и это было чертовски приятно.

Следующая остановка — парфюмерный магазин «Эликсир».

Раньше я обходила его стороной. Зачем повару дорогие духи? Чтобы они смешивались с запахом лука? Я пользовалась чем-то легким, цветочным, незаметным. Чтобы не перебивать аромат еды.

К черту еду.

Я вошла в сияющий зал. Ко мне тут же подплыла девушка-консультант с натянутой улыбкой.

— Ищете что-то свежее? Цветочное? Для дамы элегантного возраста?

— Я ищу напалм, — отрезала я. — Мне нужно что-то такое, чтобы, когда я вхожу в комнату, мужчины забывали, как их зовут. И чтобы никаких цветочков. Никаких ландышей и розочек.

Девушка моргнула, её улыбка стала более естественной — уважительной.

— Я поняла. Тяжелый люкс. Селектив. Пойдемте к черной полке.

Мы перепробовали десять ароматов. Всё не то. Слишком сладко. Слишком просто.

И вот она достала флакон из темного стекла, похожий на алхимическую колбу.

— Уд, черный перец, табак и амбра, — сказала она. — Аромат унисекс. Очень стойкий. Очень... властный.

Я брызнула на запястье. Подождала секунду, пока выветрится спирт. Вдохнула.

Меня словно ударило током.

Это был запах не кухни. Это был запах будуара императрицы. Запах денег, кожи, дыма и специй. Он был густым, тягучим, горьковатым. Он заявлял о себе громко, бескомпромиссно. Это был запах женщины, которая знает, чего хочет, и берет это.

— Беру, — сказала я, не глядя на ценник.

Когда я увидела сумму на кассе — восемнадцать тысяч рублей — у меня похолодело внутри. Это была половина моего аванса. Это были новые зимние сапоги, которые я планировала купить.

Я достала карту.

Сапоги подождут. А новая Галина Ивановна ждать не может.

Домой я летела как на крыльях. Квартира встретила меня тишиной, но теперь эта тишина не казалась пустой. Она казалась выжидающей.

Я открыла шкаф в спальне. В самом дальнем углу, в чехле, висело ОНО.

Темно-изумрудное платье-футляр из плотной итальянской ткани. Я купила его три года назад, к своему юбилею. Но Борис тогда посмотрел и скривился: «Галь, ну куда тебе такое? Оно же обтягивает. Ты в нем как гусеница. Надень лучше тот балахон с люрексом, он стройнит».

И я послушала. Надела балахон. А платье убрала, глотая слезы.

Я достала его. Сняла чехол. Ткань струилась в руках, холодная и благородная.

Примерила.

За эти дни на нервной почве и беготне я скинула пару килограммов. Платье село идеально. Оно обняло мою фигуру, подчеркнув высокую грудь, выделив талию (да, Боря, она у

меня есть!) и крутые бедра. Изумрудный цвет заставил мои глаза сиять колдовским зеленым огнем.

Я стояла перед зеркалом, благоухая удом и перцем, с новой стрижкой, в шикарном платье.

— Гусеница, говоришь? — спросила я пустоту. — Ну что ж, Борис Петрович. Завтра ты увидишь бабочку. Только смотри, не обожгись об эту красоту.

Утро четверга началось не с привычной суеты. Я проснулась за час до будильника. Не было желания натянуть одеяло на голову. Было желание жить.

Я собиралась тщательно, как на инаугурацию.

Колготки — 40 ден, цвета «мокко». Туфли — не удобные растоптанные лодочки на низком ходу, а те самые, парадные, на устойчивом, но высоком каблуке.

Макияж. Я отложила в сторону свою привычную розовую помаду. Сегодня мне нужен был цвет крови. Темный, насыщенный винный оттенок. Немного туши, чтобы подчеркнуть новые, открытые глаза.

Два пшика новых духов. Один — на шею, под волосы. Второй — в декольте. Облако аромата окутало меня невидимой броней.

Я накинула сверху плащ. Платье было видно только в раз-

резе, при ходьбе, но я знала, что оно там.

Семь пятьдесят утра. Проходная завода «ТяжМаш».

Обычно в это время здесь давка. Люди сонные, хмурые, толкаются у турникетов, звенят пропусками.

Я вошла в стеклянные двери.

Звук моих каблуков — цок-цок-цок — был четким, звонким, отличающимся от шарканья тяжелых ботинок рабочих.

Степаныч, наш бессменный вахтер, сидел в своей будке, прихлебывая чай из щербатой кружки. Он механически протянул руку за моим пропуском, даже не поднимая головы.

Я приложила пластик к валидатору. Пискнул сигнал. На экране высветилось: «Котова Г.И.».

Степаныч поднял глаза.

Кружка в его руке накренилась. Горячий чай плеснул ему на брюки, но он даже не вздрогнул. Его рот приоткрылся, обнажив золотую коронку.

— Галина... Иванна? — прохрипел он, словно увидел привидение. — Мать честная... Это вы?

Я улыбнулась. Не дежурной улыбкой, а уголком губ, загадочно и чуть высокомерно.

— Доброе утро, Степаныч. Не узнал — богатой буду. Я прошла через турникет.

В холле воцарилась тишина. Рабочие, инженеры, мастера — все, кто шел на смену, замерли. Разговоры оборвались. Десятки мужских глаз приклеились ко мне. Они привыкли видеть меня в бесформенном пуховике или белом халате, вечно спешащую, озабоченную поставками.

Сейчас перед ними шла Женщина.

Я чувствовала их взгляды спиной, бедрами, затылком. Это были взгляды не на «тетю Галю». Это были взгляды самцов, которые вдруг увидели добычу, слишком шикарную для их ареала обитания.

— Ни хрена себе... — донеслось откуда-то слева. — Это наша Петровна? Да ладно!

Я не обернулась. Я шла по коридору, и передо мной расступались, как воды Красного моря перед Моисеем.

Кухня встретила меня привычным шумом и паром. Но стоило мне переступить порог, как шум стих.

Валя выронила шумовку. Она звякнула об пол, покати-лась, но никто не наклонился её поднять.

Леночка застыла с подносом грязной посуды, открыв рот. Я прошла к своему столу, сняла плащ. Изумрудное платье поймало свет ламп.

— Галя... — выдохнула Валя. — Ты ли это? Прямо... Прямо Софи Лорен! Нет, лучше! Моника Белуччи!

— Работаем, девочки, — спокойно сказала я, вешая плащ на плечики. — Красота красотой, а обед по расписанию. У нас сегодня борщ украинский и жаркое по-домашнему.

Я достала из шкафчика свой рабочий китель. Белоснежный, отглаженный. Но сегодня я не стала застегивать его под горло, на все пуговицы, превращая себя в белый прямоугольник. Я оставила верхние пуговицы расстегнутыми, так, чтобы был виден вырез платья и шея. Пояс затянула туго, подчеркнув талию.

И колпак. Тот самый высокий «гриб», который делал меня похожей на смурфика, остался на полке.

Я достала маленькую, аккуратную поварскую шапочку-таблетку, которую купила вчера в спецмагазине вместе с платьем. Приколола её невидимкой к новой стрижке.

— Галина Ивановна, — Леночка смотрела на меня с благоговением. — Вы такая... такая... Я тоже так хочу!

— Будет, Леночка, всё будет. Главное — вовремя избавиться от балласта, — я подмигнула ей и взяла в руки жур-

нал проб.

Работа пошла своим чередом, но атмосфера изменилась. Повара двигались тише, аккуратнее, словно мое присутствие обязывало соответствовать уровню мишленовского ресторана.

В одиннадцать часов мне нужно было идти в административный корпус. Формально — подписать заявку на банкет для делегации, которая приезжала на следующей неделе. Реально — мне нужно было пройти по коридору власти.

Я вышла из кухни.

Мой новый парфюм работал безотказно. Тяжелый, пряный шлейф уда и амбры плыл за мной, перебивая даже въедливый запах заводской столовой. Это был запах, который заставлял: «Я здесь. Я дорогая. Я опасная».

Коридор второго этажа был пуст. Я шла не спеша, наслаждаясь стуком своих каблуков.

И тут дверь приемной отдела логистики открылась.

Сначала вышел Борис.

Он выглядел еще хуже, чем вчера. Костюм висел на нем, как на вешалке. Лицо было серым, с землистым оттенком. В руке он сжимал неизменную бутылку с водой. Он шел, глядя под ноги, погруженный в пучину своего голодного страдания.

Следом за ним семенила Жанна.

Она была в своем репертуаре: бежевый льняной костюм (мятый, потому что «натуральный»), волосы собраны в небрежный узел, на лице — ноль косметики («кожа должна дышать»). Рядом со мной, в моем изумруде и винной помаде, она выглядела бледной молью, случайно вылетевшей на свет софитов.

— Борис, нам нужно обсудить график йоги на выходные, — бубнила она ему в спину. — Твоя асана «дерево» всё еще нестабильна...

Они подняли глаза одновременно.

Мы столкнулись лоб в лоб посреди коридора.

Борис остановился так резко, словно врезался в невидимую стену. Жанна налетела на него сзади, ойкнула, выронила папку.

Борис смотрел на меня.

Его глаза расширились. Сначала в них было просто узнавание. Потом — недоверие. Он моргнул, словно пытаясь сбросить наваждение.

Он видел меня каждый день тридцать лет. В халате, в пижаме, в фартуке, в пуховике.

Но он никогда не видел эту женщину.

Он скользнул взглядом по моей новой стрижке, по бле-

стящим волосам, обрамляющим лицо. По шее, на которой пульсировала жилка. По вырезу платья, виднеющемуся из-под расстегнутого кителя. По ногам в темных колготках и туфлях на шпильке.

Его ноздри раздулись.

Он почуял запах.

Не пирожков. Не борща. Не чеснока.

Запах женщины.

Сложный, горько-сладкий, дурмнящий аромат, который бил прямо в подкорку, пробуждая древние инстинкты, которые, как он думал, давно спали или умерли от переедания.

— Галя? — его голос сорвался на хрип. Он сделал шаг ко мне, непроизвольно, как лунатик. — Ты... что с тобой?

Жанна тоже смотрела на меня. В её водянистых глазах застыл ужас. Женский, примитивный ужас соперницы, которая вдруг поняла, что пришла на перестрелку с ножом для чистки овощей, а против неё выкатили танк.

Я остановилась. Медленно перевела взгляд с Бориса на Жанну, потом обратно. В моих глазах не было ни боли, ни просьбы вернуться. Только холодное, спокойное превосходство.

— Ребрендинг, Борис Петрович, — произнесла я низ-

ким, грудным голосом, которого сама от себя не ожидала. — Соответствую статусу свободной женщины. Рынок диктует свои условия.

Борис открыл рот, но не издал ни звука. Он выглядел как человек, которого ударили пыльным мешком по голове, а потом показали чудо. В его взгляде, измученном голодом и сельдереем, вдруг вспыхнула искра. Искра мужского интереса. Того самого, который я не видела уже лет десять.

— Пойдем, Борис, — Жанна дернула его за рукав. Её голос звучал визгливо. — Нам пора. Опоздаем на планерку.

Борис даже не повернул к ней головы. Он продолжал смотреть на меня, как замороженный.

— Галя... ты... ты прекрасно выглядишь.

— Я знаю, — просто ответила я.

Я сделала шаг вперед, проходя мимо них. Мое плечо почти коснулось плеча Бориса. Я обдала его волной своего нового парфюма — шлейфом, в котором не было ни капли домашнего уюта, только вызов и тайна.

Борис медленно повернулся вслед за мной, провожая взглядом мою спину, мою походку, стук моих каблуков.

— Смотри, Боря, — мысленно сказала я, чувствуя его взгляд лопатками. — Смотри и запоминай. Это блюдо тебе больше не по зубам. Твой удел — пресная каша. А я — деликатес для гурманов.

Я завершила за угол, скрываясь из виду. И только там, при-

слонившись спиной к прохладной стене, позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось как бешеное.

Я слышала, как в коридоре Жанна шипит:

— Борис! Перестань пялиться! Это вульгарно! У неё же аура черная от химии!

И тихий, растерянный голос Бориса:

— Зато пахнет... пахнет жизнью, Жанна.

Глава 15 (Борис)

от лица Бориса

Стрелка настенных часов в моем кабинете перевалила за пять тридцать. Официально рабочий день закончился полчаса назад, и административный корпус «ТяжМаша» вымер, словно после сигнала воздушной тревоги. Обычно в это время гул в коридорах стихал, сменяясь шорохом уборщиц и далеким лязгом ворот на проходной, но сегодня тишина казалась мне зловещей, наполненной электричеством.

Я сидел за столом, гипнотизируя погасший монитор. Уйти я не мог. Меня держало в кресле странное, липкое наваждение, замешанное на аромате, который, казалось, вьелся в обивку мебели, в бумаги и даже в мои собственные легкие.

Уд. Черный перец. Амбра.

Я не разбирался в парфюмерии. Для меня духи делились на «женские» (цветочки), «мужские» (шипр) и «Жаннины» (эфирные масла, от которых першит в горле). Но тот запах, который Галина оставила сегодня в коридоре после нашей встречи... Это было нечто иное. Тяжелый, густой, животный дух. Запах дорогой кожи, восточных специй и какой-то пугающей, темной власти.

Он стоял у меня в носу уже шесть ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.